

ЮРИЙ
НИКИТИН

ТАНГЕЙЗЕР

БАЛЛАДЫ
О РАВИНКАХ БЕЗ СТРАХА И УДОБНОСТИ

Юрий НИКИТИН

Тангейзер

«ЭКСМО»

2012

Никитин Ю. А.

Тангейзер / Ю. А. Никитин — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-54571-1

Рыцарь-миннезингер, участник Шестого крестового похода, великий поэт, что дружил с императором, ссорился с папой римским, побеждал в бою, на турнирах и поэтических состязаниях, провел семь лет в подземном мире волшебницы Голды, откуда та выезжает со свитой демонов на Дикую Охоту, познал абсолютно все секреты чувственной любви, но преодолел чары и вышел иным человеком... Исполинская и трагическая фигура Тангейзера волновала многих творцов. Вагнер создал оперу «Тангейзер», о нем писали Генрих Гейне, Тик, Эйхендорф, Гофман, Новалис, Франкль, Мангольд, Гейбель и многие-многие другие. Возможно, все-таки не стоит забывать настоящих героев? Может быть, дадим вторую жизнь в книгах, играх, фильмах, сериалах?

ISBN 978-5-699-54571-1

© Никитин Ю. А., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	47
Глава 11	52
Конец ознакомительного фрагмента.	57

**Юрий Никитин
Тангейзер**

ЮРИЙ
НИКИТИН

Часть I

Глава 1

Он слышал музыку всю жизнь, сколько себя помнил. Еще не родившись, уже понимал, что мама играет на клавесине, потом пела над колыбелькой нежное и ласковое, а когда днем не спал и улыбался, размахивая ручками, смеялась и говорила нечто веселое. Он навсегда запомнил ее тихо журчащий голос, потом всегда считал, что именно так говорят волшебные феи.

И когда ему объясняли, что такое глубокое детство нельзя вспомнить, он не спорил. Нельзя так нельзя, но это им нельзя, а ему можно.

Он сам научился играть на всем музыкальном, но для себя избрал лютню, ее можно носить за спиной или у седла, а на привале подбирать новые мелодии.

Музыка сопровождала его и в детстве, и в отрочестве, и даже сейчас, когда двигаются через раскаленную пустыню, где солнце сжигает кожу, а доспехи накалены так, что вскочит волдырь, если прикоснуться, все равно слышит музыку. Только теперь величественную, грозную, торжественную, и сердце наполняется гордостью, и он чувствует, что готов пройти этот великий путь до конца и с радостью отдать жизнь за их святое дело спасения Иерусалима от рук неверных.

Ему выпала честь двигаться в головном отряде армии крестоносцев, хорошо уже хотя бы тем, что поднятая копытами их коней пыль оседает на одежде идущих следом.

Рядом покачивается в седле Манфред Альбрехт фрайхерр фон Рихтгофен. Он в полных доспехах в отличие от многих рыцарей, но их не видно: он всегда набрасывает сверху широкий сарацинский платок, что укрывает плечи и даже верх спины.

Даже седину не видно, а лицо всегда свежее, выбритое, взгляд внимательный, а вся фигура сухая и прямая. Он вполне сошел бы и за молодого воина, если бы не серые глаза, в которых навсегда застыла грусть, вывезенная еще из Германии, где он много испытал в жизни недоброго, но говорить об этом не любил.

Тангейзер помнит, что не только рыцарское братство относится к нему с большим уважением, но и сам император Фридрих считает его другом и при малейшей возможности пригласит с собой в поездки.

– Устал? – спросил Манфред.

– Ничуть, – заверил Тангейзер.

– Потерпи, скоро Яффа.

– Да не устал я, – запротестовал Тангейзер. – Господь терпел и нам велел. Разве не в трудностях проверяется мужчина?

Манфред покосился в его сторону с интересом, и Тангейзер как бы увидел себя его глазами: высокий и плечистый рыцарь в отменных доспехах, с белым плащом за плечами, что покрывает и конский круп, молодой и с румянцем во всю щеку, золотоволосый и с ярко-синими глазами, как и у большинства германцев. На полотняной накидке спереди большой крест, что значит – идет в крестовый поход, в то время как у Манфреда такой же крест и на спине, то есть, побывал, завершил, исполнил свой долг христианского воина, мог бы и вернуться, но предпочитает жить здесь.

– В трудностях, – наконец ответил Манфред. – Только выбирай их так, чтобы спина не надломилась.

– Нам по плечу любые, – заверил Тангейзер.

– Да? – спросил Манфред с сомнением. – Трудности бывают не только в переходах...

– И в боях, – сказал Тангейзер хвастливо.

Манфред улыбнулся, смолчал, но по виду старого рыцаря Тангейзер понял, что имеет в виду какие-то еще, хотя что может быть, кроме походов и яростных сражений?

От раскаленного песка пышет жаром, Тангейзер время от времени закрывал глаза, ослепленные блеском барханов и беспощадно синего неба, настолько высокого, что германцу, при-
выкшему к низкому небосводу, чаще всего затянутому тучами, и смотреть страшно.

Иногда по земле скользят полупрозрачные тени, это с неба за войском зорко смотрят степные орлы, а из-под каменных плит настороженно поглядывают юркие ящерицы и огромные длинные змеи, совсем не похожие на привычно серых гадюк. Здесь он еще не видел двух одинаковых, а тусклых почти нет, все яркие, расцветочные диковинными узорами, часто настолько осмысленными, что он невольно пытался прочесть, что же там написано.

Песок и только песок от горизонта до горизонта. Он не понимал, как в этом аду можно жить, но Манфред рассказывал, что дальше просто сказочные места, где и родники бьют на каждом шагу, и роши библейских фиников стоят без присмотра, и настоящие города...

До Яффы еще конный переход, Манфред распорядился остановиться на короткий отдых через час, там впереди по дороге колодец, а к вечеру придут в город, который предстоит захватить в жестоких боях с сарацинами.

Тангейзер старался держаться поближе к друзьям, с которыми успел сойтись за время похода. Да и они, чувствуя к нему симпатию, как и друг к другу, едут тесной группкой: Карл Фридрих фон Вайцеккер – могучий гигант с настолько низким голосом, что начинается этот рык где-то в рыцарских сапогах, прокатывается по внутренностям, набирая мощь, а наружу вырывается могучим ревом, добродушным на пирах и яростным, когда он ведет своих людей в атаку.

Вальтер фон дер Фогельвейде – веселый рыцарь с тонким звонким голосом и с быстрыми движениями. Он сразу же, едва сошли с кораблей, начал укрывать голову бедуйским платком и доказывать преимущество кривой сарацинской сабли перед мечом в схватках с противником, на котором нет стальных доспехов.

Третьим с ними ехал Константин фон Нейрат, широкий массивный исполин. Конь под ним такой же, похожий на вросшую в землю скалу, тем более что Константин укрыл его попоной, достигающей земли, и выглядит теперь, будто сидит на чем-то неодушевленном.

Прошло с четверть часа, и местность впереди волшебным образом изменилась: из марева поднялись зеленые пальмы. Тангейзер послал туда коня в галоп. Под копытами, разбросав песок, поднялась настоящая дорога, по обочине раскинули ветви роскошные оливы, настолько живописные, словно вылепленные из гипса великим скульптором.

Одурающе сладкий запах начал накатывать волнами в полном безветрии, от прогретой земли идет особое такое тепло, словно от только что вытасченного из печи хлеба.

По дороге начали попадаться караваны верблюдов, иногда огромные стада овец, пастухи торопливо сгоняют их на обочину, а крестоносцы с гогом хватают к себе на седла понравившихся молодых барашков.

Множество коз усеивают склоны холмов, за ними присматривают мальчишки с длинными палками.

Манфред с двумя всадниками ринулся вперед посмотреть, как разместить удобнее войско. Тангейзер зачарованно смотрел на вырастающий оазис, совсем крохотный, но какая бурная жизнь в нем, сколько птиц на верхушках деревьев, какие сказочно громадные и прекрасные бабочки...

Отдыхать, как сообщили им, не больше часа, чтобы к вечеру достичь Яффы. Тангейзер расседлал коня, обтер пучками травы и медленно поил его холодной родниковой водой, когда вдали раздались радостные крики.

Послышался приближающийся топот, запоздало пропела чья-то труба. В их импровизированный лагерь на полном скаку, с трудом удерживая разгоряченных коней, ворвались всад-

ники с красными попонами под седлами, все расшито золотом, а одеты в цвета императорского дома.

Рыцари преклонили колена, всадники быстро спрыгивали, передавали поводья слугам, а повод императорской лошади почтительно перехватил сам Манфред.

Тангейзер, как и все преклонив колена, с острым любопытством всматривался в лицо Фридриха.

Предыдущий, пятый крестовый поход окончился полной неудачей, крестоносцы вынужденно заключили с аль-Камилем мир, по которому получили свободное отступление, но обязались очистить Дамьетту и вообще весь Египет. А вот Фридрих II Гогенштауфен обязался перед папой начать новый крестовый поход... шестой по счету, и многие рыцари уверяли друг друга, что Фридриху удастся то, что не удалось ни Ричарду Львиное Сердце, ни Людовику, ни кому-либо из королей или императоров.

Да и сам Фридрих, выступая в поход, заявил весело, что через месяц будет пить вино в Иерусалиме, ныне занятом сарацинами. Конечно, заявление смелое и, как считали многие, безрассудное, с другой стороны... этому императору раньше удавалось все задуманное.

Пользуясь короткой передышкой, некоторые успели разжечь костры и жарили или просто подогревали куски мяса и хлеба.

Когда Тангейзер, напоив коня, возвращался обратно, ему весело замахали от одного из костров.

– Сюда, миннезингер!

Тангейзер нахмурился, здесь он прежде всего рыцарь, хотя лютия всегда с ним, но смолчал, Вальтер всегда дружелюбен и деликатен, никогда не обидит намеренно.

Карл и Константин жарят на прутиках мясо, и хотя оно уже и так жареное, но приятнее подержать над раскаленными углями еще раз и есть обжигающе горячее.

– В четырнадцать лет, – говорил размеренно Константин, – его объявили совершеннолетним, три месяца спустя женился на вдовствующей венгерской королеве Констанции, а уже через два года германские князья, противники императора Оттона Четвертого, избрали его своим королем и призвали в Германию. Что бы сделал другой на его месте?

Карл сдвинул плечами.

– Не берусь судить, – прогудел он густым голосом, – но наш император да, повел себя весьма достойно и отважно! Передал управление Сицилией жене, а сам рискнул отправиться в Германию, по дороге заверяя всех в дружбе. Из Рима сразу в Верону, а так как все проходы в Альпах перекрыты войсками императора Оттона, сумел в труднейших условиях перейти Швейцарские Альпы по таким трудным тропам, где точно даже горный козел свернул бы себе шею...

– Вот-вот, – сказал Константин. – У Баденского озера к нему присоединились шестьдесят рыцарей, но этого хватило, чтобы завоевать Германию!

Карл уточнил:

– Когда вошел в Базель, у него уже было не меньше пяти тысяч одних только рыцарей.

Тангейзер присел к огню и слушал, оба рыцаря знают неизмеримо больше, он может опередить их только в сочинении песен, но это не слишком заметное в походе достоинство.

– Еще год-полтора, – продолжал Константин, – которые ему понадобились для дипломатии, и вот уже вся Германия признала его своим королем!.. Ты догадываешься, что это значит?

Карл проворчал:

– Боюсь и верить слухам.

– Я тоже, – сказал Константин.

Вальтер помалкивал и молча жрал мясо, Тангейзер спросил, не выдержав:

– Вы о чем?

– По слухам, – пояснил Константин значительно, – еще когда император был в Палермо, к нему зачастили послы от сарацин.

– И что?

Константин ответил так же загадочно:

– Все может быть. В том числе и то, чего мы совсем не ждем.

– А чего мы не ждем? – поинтересовался Тангейзер.

Константин сказал с насмешкой в голосе:

– Мы все готовы сложить головы в красивой войне за правое дело. Но если император вступит в переговоры?

Тангейзер умолк, не зная, что сказать, а Карл прорычал, как большой медведь в берлоге:

– Я бы не исключал такую возможность. Император воевать умеет, но где можно чего-то добиться простыми переговорами, он предпочтет переговоры. И, самое главное, только он ведет войско, только он ведет переговоры, только он решает!

Константин добавил в тон:

– А все войско почти исключительно германцы, так что никаких «вы идите на штурм крепости, а мы посмотрим, и если у вас не получится, то пойдем мы и покажем, как это делают герои»!

Они вынимали поджарившееся мясо с обуглившимися краями, смаковали и запивали вином из фляг. Тангейзер тоже ел молча, думал об императоре. Его личность и раньше волновала и привлекала, он знал по рассказам о нем, что тот настолько любит искусство, что пожаловал своему трубадуру город Оранж, находившийся в королевстве Арелат.

Сперва это казалось ему вымыслом, затем он как-то проезжал в своих странствиях по королевству Арелат, и там в городе Мец ему рассказали, что Фридрих II подарил королевство Арля и Вьенна великому трубадуру Гильему I де Бо, принцу Оранжскому.

Еще он слышал, что Фридрих любит гостить у своего двоюродного дяди ландграфа Германа I Тюрингского, тот в свое время написал два латинских гимна, покровительствовал миннезингерам и однажды организовал поэтическое состязание в Вартбурге, пообещав богатые награды победителям, и даже отчеканил для них именные кубки из золота.

Помогала ему супруга София, дочь Оттона I Виттельсбаха, герцога Баварии, и графини Агнессы ван Лоон.

Император, который настолько ценит искусство и покровительствует миннезингерам, казался ему очень привлекательным человеком, и он мучительно подыскивал повод, чтобы, как только тот явится в воинский лагерь, предстать перед ним и блеснуть своими талантами.

Глава 2

В лагере звонко пропели трубы, усталые рыцари начали подниматься, помогать оруженосцам седлать коней.

Тангейзер быстрее всех справился со своим, подошел помочь Константину и сказал тихонько:

– Ты не подскажешь, как мне суметь приблизиться к императору? Если он так покровительствует миннезингерам, то мне хотелось бы... ну, сам понимаешь...

Константин довольно хохотнул:

– Правда, хотелось бы?

– Еще как!

Константин сказал с насмешливой доброжелательностью:

– Сперва тебе придется расширить свой весьма узенький лобик, дружище.

Тангейзер придержал ему стремя, пока грузный рыцарь взбирался в седло, потом в озбоченности пощупал свой лоб, нахмурился, переспросил с подозрением:

– Что ты имеешь в виду?

– Да так, – ответил Константин, – пустячок. Как ты относишься... ну, к сарацинам?

– Всех перебить, – без малейшего колебания ответил Тангейзер.

– Почему?

– Враги, – ответил Тангейзер безапелляционно.

– Та-а-ак... а к иудеям?

– Тоже враги, – ответил Тангейзер уверенно.

– Почему?

– Ну... все же говорят так! Что тебе еще надо?

– Понятно. А... православные?..

Тангейзер поморщился.

– Ну, это все-таки христиане, хоть и никчемные. Потому я бы просто изгнал их из Европы вообще.

– Куда?

– Да туда, откуда взялись. В Византию, к примеру... Что смотришь? Не так что-то?

Константин оглянулся на рыцарей, что по зову трубы выстраиваются в колонну, сказал хладнокровно:

– Что-то?.. Да все не так. Норманны, захватив Сицилию, создали там особые условия. Еще дикий и свирепый прадед императора герцог Роджер, завоевав те земли, сделал их раем. И наш будущий император родился и жил в окружении великолепных византийских мозаик Палатинской капеллы, арабской роскоши замков Зиза и Куба, с детства видел величие Норманнского дворца и Успенского кафедрального собора.

Тангейзер вскочил на коня, развернул его и послал рядом с Константином, почти касаясь ногой его стремени.

– Ну... – пробормотал он, ошеломленный таким обилием имен и названий, – разве это так важно...

– Согласен, – сказал Константин, – но с детства он общался с мусульманами, иудеями, православными греками, католиками... причем – итальянцами, лангобардами, норманнами и германцами, а ты знаешь, какие мы все разные христиане, друг другу глотки готовы перегрызть, да и перегрызаем везде в Европе, но только не в Сицилийском королевстве!.. Там все живут дружно. А наш император, чтоб ты знал, кроме обязательной латыни, освоил в совершенстве греческий и арабский, древнееврейский, французский, сицилийский, нормандский, провансальский и средневерхнегерманский диалекты. Одиннадцать языков всего, как тебе?..

Тангейзер даже пошатнулся в седле.

– Что, правда?.. Ничего себе. Большинство из нас и своего как следует не знают. Господи, как я хочу предстать пред его очами!

Константин по большей части смотрит вперед, тяжелый и неподвижный, но на этот раз повернул голову и оглядел его насмешливо.

– Верю.

– Ты можешь как-то это устроить?

Константин кивнул:

– Постараюсь. Тебе же знаком Манфред фон Рихтгофен?

– Да, – сказал Тангейзер торопливо. – Мне кажется, он относится ко мне... хорошо. Разговаривает, как с равным.

– Он со всеми так разговаривает, – ответил Константин. – Он здесь прожил почти двадцать лет, это вошло в привычку.

– Господи, – сказал Тангейзер с суеверным ужасом, – он же тут осарацинится!

– Постарайся понравиться ему больше, – посоветовал Константин. – Это важно.

– А что с ним?

– Они с императором дружны, – объяснил Константин. – Манфред не просто давно поселился здесь, но и пророс связями всюду. У него есть дома во владениях тамплиеров и госпитальеров, а еще, как говорят, и в самом Иерусалиме.

– Ого, – сказал Тангейзер. – То-то он спешит освободить Святой Город!

Константин покачал головой:

– Ничего подобного.

– Почему?

– Сарацины, – пояснил Константин невозмутимо, – пропускают в город и наших рыцарей, если у тех в Иерусалиме есть дома или другое имущество. В общем, тебя здесь ждет много такого, что откроешь рот и спросишь, в ту ли страну попал, в какую собирался!

Солнце склонилось к далеким горам, из-за дальности почти призрачным, а здесь вдоль дороги кипарисовый лес стал в его лучах зловеще-багровым, песок заблестал грозно, словно расплавленное золото.

Издали донесся частый стук копыт, словно по параллельной дороге их догоняет на полном скаку конница. Тангейзер насторожился, а все трое его друзей торопливо откинули полы плащей и опустили ладони на мечи, хотя, судя по стуку, в их сторону мчится не меньше чем тысяча сарацинских всадников.

Тангейзер с замиранием сердца даже уловил благодаря чуткому слуху музыканта, что не просто сарацины на легких стремительных конях, а тяжелая сарацинская конница, где все в великолепных кольчужных доспехах, вооружены до зубов и где каждый воин стоит десятерых.

Из-за пригорка выметнулись первые всадники на стройных конях с узкими головами и змеиными шеями, за ними несется вся масса, поднимая желтую пыль, донесся хриплый крик «Алла!», и все помчались сперва прямо, а потом взяли в сторону и пронеслись мимо, как грохочущие призраки.

Вальтер схватился за сердце и сказал почти плачущим голосом:

– У меня чуть сердце не выскочило!

Могучий Карл прогудел мощно:

– Что сердце... У меня чуть не выскочило в штаны...

Константин захохотал таким гулким басом, что земля под ними резонировала и прогибалась.

Отхохотавшись, он вытер гигантским кулаком слезы.

– Как же я люблю...

– Что? – спросил Карл зло.

– Смотреть люблю, – прогрохотал Константин весело, – на таких вот... га-га-га!.. Как они пронеслись, смотреть люблю!..

– Что тут хорошего? – спросил Карл раздраженно. – Не верю я им!.. В Сицилии, ладно, еще понимаю, но зачем их с собою и сюда тащим?

– А почему нет?

Карл рыкнул:

– Они ж тут в родной Сарацинии враз переметнутся на сторону сарацин!.. И всех нас повяжут во сне, передадут своим!

Константин перестал хохотать, лицо стало почти серьезным.

– Дорогой друг, такие подозрения неуместны. Они, можно сказать, выражают недоверие нашему императору! Если он взял их с собой в качестве личной охраны, значит, доверяет.

Поднятая копытами желтая пыль оседала долго и нехотя, предпочитая блистать на солнце мелкими искорками. Цветные конские попоны вскоре стали серо-желтыми, Вальтер часто чихал и выплевывал на дорогу плотные сгустки пыли.

Они ехали еще несколько часов, наконец вдали в фиолетовой дымке начала проступить некая гора. Тангейзер рассмотрел, что она вся усеяна домиками с плоскими крышами.

Константин величественно протянул руку, словно готовился отдать приказ атаковать и уничтожить вражеское войско.

Тангейзер проследил взглядом за указующим перстом. Крохотные домики странно кубические, такие же светло-желтые, как и песок пустыни. Между ними торчат странные деревья, когда высокий ствол, а на вершине вместо веток лишь гигантские листья, каждое по два ярда в длину.

– Яффа, – сказал Константин. – Кстати, неплохой морской порт.

Тангейзер спросил в удивлении:

– Тогда почему мы высадились на пустынном берегу, а не прямо здесь?

Константин ухмыльнулся.

– Здесь сарацины всегда готовы к защите. А мы оказались бы беспомощны...

Берег, как видел Тангейзер, достаточно крут, домики громоздятся на нем буквально один над другим так, что, выходя из дверей, обязательно окажешься на крыше соседа.

От воды Яффу отделяет длинный ряд высоких и непроходимых для кораблей рифов, зато справа и слева у воды множество лодок, как под парусами, так и весельных.

– Как будем атаковать? – спросил он. – Что-то не вижу сарацинской армии... Господи, да вон же они!

Он выхватил меч, лицо загорелось жарким пламенем, глаза заблестели, как звезды, он стал словно бы выше ростом, а руки заметно потолстели.

Из распахнутых городских ворот навстречу выплескивается легкая конница сарацин, но все в прекрасных кольчугах, в железных конических шлемах, что надежнее в бою, чем рыцарские, под всеми великолепные кони...

Тангейзер часто дышал и смотрел на сарацин неотрывно в ожидании сигнала к атаке.

Константин сказал весело:

– Да что с вами? Своих не признаете?

Вальтер всмотрелся в сарацин, что продолжают выплескиваться из городских врат, хотя вообще-то стена в руинах, можно перескочить где угодно.

– Своих? – переспросил он.

А Карл бухнул гулко:

– Я и смотрю, на тебя так похожи!

Константин беспечно гоготнул, огромный и довольный, как величественный слон.

– Ну вот, уже начинаете привыкать.

Тангейзер сказал нервно:

– А меня всего трясет! Не знаю, привыкну ли вообще...

Он заметил, что могучий рыцарь присматривается к нему, но не понимал причины. А Константин в самом деле поглядывал на самого молодого из них с двояким чувством. В германских землях хорошо знают австрийско-баварский дом фрайхерров Тангузенов, давший так много славных полководцев, военачальников, политиков и могущественных лордов, способствовавших укреплению и величию многих княжеств.

Однако Тангейзер лишь обликом вылитый Тангузен: высок, широкоплеч и неприлично красив. Силен и великолепно владеет всеми видами рыцарского оружия, к тому же умеет стрелять из лука как может мало кто из лучников. Однако чересчур беспечен, не стремится к воинским подвигам, хотя стычек с противником не избегает, а за время путешествия из Европы к берегам Яффы шесть раз дрался в поединках и в каждом одержал победу быстро и жестоко.

Кроме того, он не просто умеет прекрасно складывать стихи и перекладывать их тут же на музыку, это входит в обязательное обучение любого молодого рыцаря, и потому многие умеют писать стихи, однако он иногда проговаривается, нарочно или намеренно, что это более славное занятие, чем побеждать с мечом в руке.

Сарацинское войско, числом примерно около двух тысяч, построилось ровными квадратами, что для них неслыханно, затем из ворот галопом вынеслось еще трое, у всех в руках трепещут знамена...

Тангейзер ахнул:

– Этого не может быть!

– Знамена Его Величества, – подтвердил Вальтер. – Они захватили для нас Яффу?

Константин проговорил с торжеством:

– Почему не может быть? Это же наш император, а не какой-нибудь тупой головорез вроде Ричарда Львиное Сердце.

– Но это же сарацины! – вскрикнул Тангейзер.

На его глазах сарацины ровными квадратами так и понесли, нацелившись в середину рыцарского войска, где как раз и находится император.

– Ох, – сказал Тангейзер нервно, – что-то я не доверяю им!

– Напрасно, – буркнул Константин. – А я еще удивился, когда император прибыл без его личной охраны... Оказывается, он посылал их вперед на захват Яффы.

Тангейзер пробормотал:

– Что... они захватили Яффу для императора?

Константин сдвинул плечами.

– Думаю, это был даже не захват.

– А что?

– Если султан передал Яффу императору, то наша сарацинская гвардия просто успокоила горожан. Дескать, резни не будет, бежать не нужно.

Карл сказал деловито:

– Войдем в город, узнаем. Мой конь уже валится от усталости.

Глава 3

Тангейзер жадно смотрел на приближающийся город, чувствуя острое разочарование. В воображении уже много раз победно врывается через проломы в стене, раздавая направо и налево удары разящего меча, разбивал ворота, водружал знамя императора на самой высокой башне, захватывал в плен главного эмира, а то и самого султана...

Он продал в Германии имение и деревушку, чтобы купить настоящего рыцарского коня, способного выдерживать вес всадника в полных доспехах и мчаться с ним в стремительную атаку. Все остальные деньги истратил на доспехи, подогнанные по его фигуре, и великолепные меч и щит, ибо от них зависит его жизнь, а если он имение сохранит, а жизнь потеряет... то не глупость ли это будет?

И вот теперь он въезжает в широко распахнутые ворота Яффы, жители, правда, на всякий случай стараются не попадаться на дороге, но из окон выглядывают бородатые мужчины и смеющиеся женщины, все смотрят с любопытством на огромных франков, закованных в железо с ног до головы, страха на их лицах Тангейзер не увидел...

Появился Манфред, сообщил, что основная часть войска останется за городом, где разобьют лагерь, но ему нужны рыцари, которые согласятся жить в городе, демонстрируя, что они отныне принадлежат рыцарям Креста.

Константин явно хотел сказать, что они предпочитают лагерь, но Тангейзер опередил вопросом:

– А как более угодно императору?

Манфред помедлил с ответом, затем ответил почти уклончиво:

– Все вольны в выборе. Но он был бы рад, если часть наших достойных братьев займет центральный квартал города.

– Тогда остаемся, – сказал Тангейзер бодро. – Не правда ли, друзья?

Константин вздохнул.

– Ну, если это нужно...

– Я с вами, – пробасил Карл.

– И я, – подтвердил Вальтер. – Как вас тут оставить, пропадете же без меня!

Манфред сказал с облегчением:

– Ну вот и прекрасно. В городе с вами будут еще с десяток рыцарей и пара сотен воинов, этого вполне достаточно.

Он отсалютовал и, повернув круто коня, умчался, только пыль взвилась следом, а Константин спросил:

– Тангейзер, тебе так этот городишко нравится?

– Разве мы не за этим ехали? – спросил Тангейзер. – Новый дивный мир!.. Непонятные деревья, странные птицы, удивительные животные, непохожие на нас люди... А какое небо, я еще не видел даже облачка!.. А это море, в котором вода, наверное, такая же жаркая, как и песок под ногами!

Их разместили в одном из брошенных домов, где даже в комнатах пахнет морем, но, когда ветер меняется, Тангейзер отчетливо слышал запах хлеба, ванили и пряностей, недоумевал, пока не рассмотрел на пристани приземистые сараи складов.

В городе много развалин, слишком уж много раз он переходил из рук в руки, на окраине огромное кладбище, а совсем рядом шумный базар. Их разделяют только остатки стен, ужасающие древних. Но строили не сарацины, не иудеи, сама Яффа выстроена на месте давно-давно исчезнувшей финикийской гавани.

На другой день их посетил Манфред, поинтересовался, как им здесь, не слишком ли дико, сообщил, что здесь в давние-давние времена гавань называлась Водоемом Луны, финикийцы поклонялись ей, луне, и ставили статуи в ее честь, но почти ни одна не дожила до наших дней.

– Смотрите, – сказал он, – на север отсюда простирается знаменитая Саронская долина. Когда-то она была цветущим садом, здесь зрели виноградники иудейских царей, лучшие сады, персики, инжир...

– А что на юге? – спросил Тангейзер. – А то я смотрю на эти пески, и что-то у меня мороз по коже... Это в такую жару.

– Здесь жили филистимляне, – ответил Манфред. – Слышал о них?

Тангейзер покачал головой.

– Только в легенде о Самсоне... Нет, еще пастушок Давид кого-то из них убил... Только не помню кого. Не Самсона?

– Филистимского богатыря Голиафа, – подсказал Манфред, – после чего и стал царем Иудеи.

– Здорово, – восхитился Карл. – Я бы и сотню порубил, если бы за это сразу в цари! Даже иудейские.

Манфред снисходительно посмеивался, а Тангейзер посмотрел на него с великим уважением.

– Как много вы знаете!

Манфред самодовольно улыбнулся.

– Проживешь здесь двадцать лет, всю историю будешь знать назубок. А я еще и Библию прочел! Правда-правда. Всегда интересно читать про места, по которым ходишь.

– Это точно, – подтвердил Карл. – Я бы и сам почитал. Осталось только читать научиться...

Он гулко захохотал, эхо в испуге вырвалось из комнаты и понеслось по городу, больно ударяясь о стены.

– Может быть, – проговорил Манфред, – и научишься. Тут всякие чудеса случались... Вот смотрите сюда, да не на палец, а на горизонт! Вон туда на восток, видите? Там и есть цель нашего крестового похода.

– Иерусалим? – спросил Тангейзер жадно.

– Он самый, – подтвердил Манфред гордо, словно Иерусалим был его личным огородом. – Но он пока далековато.

– Там вроде бы горы...

– Как раз за горами, – объяснил он с покровительственной улыбкой.

Ночь прошла спокойно, не пришлось даже выставлять часовых. По распоряжению императора охрану лагеря крестоносцев и самой Яффы несли сарацинские войска. Часть из них пришли из Палермо, где охраняли императорский дворец, как личная гвардия, а часть набрали здесь, на месте.

Утром Константин молча протянул Тангейзеру бедуинский платок, и тот так же без слов набросил его поверх шлема и укрыл широкими краями железные плечи доспеха, пряча от нещадного солнца.

В город со всех сторон входили крестоносные войска: император Священной Римской империи Фридрих II Гогенштауфен первым делом сделал то, что и следовало: срочно начал укреплять портовую крепость Яффе. Для этого солдаты гигантской армии таскали глыбы и укладывали в стены, кроме того, он привлек к работе местных иудеев и сарацин, обещая щедрую плату.

Расплачивался он не слишком щедро, зато справедливо, никто не получил больше, но и никто из работающих не оставался без оплаты его труда.

Постепенно подтянулись к лагерю крестоносцев женщины, что приносили сперва только своим мужьям еду, а потом начали предлагать козий сыр, молоко и мясо прибывшим из-за моря белолицым франкам, говорящим на чужом языке.

Тангейзер, как и остальные, прибывшие из Германии, сперва вздрагивал при виде сарацинских всадников в прекрасных доспехах и с кривыми мечами наголо.

Их тысячный отряд занимал центр лагеря, окружая шатер императора, иногда казалось даже, что держат его в плену, но ко всему еще они и носились всюду, оглашая воздух гортанными воплями, и он долго не мог отделаться от впечатления, что все крестоносцы попали в гигантскую ловушку.

Манфред был в числе тех, кто руководил возведением стен, часто подходил к Тангейзеру, которого отметил как за отвагу в схватках, так и за великолепные песни о чести, достоинстве, рыцарской верности.

Спор зашел о предыдущих крестовых походах, все кончились неудачами. Особенно катастрофическим был тот, которым взялся руководить король Англии Ричард Львиное Сердце, когда он перессорился с другими европейскими королями, что привели свои войска, отказывался помогать им, когда они посылали своих людей на штурм крепостей, а своих посылал, когда те отходили на отдых, чтобы не делиться славой.

Константин защищал Ричарда, доказывая, что тот один дрался против двадцати сарацин и побеждал, Вальтер тоже ахал и восторгался, только рассудительный Карл наморщил нос.

– Он же король, – обронил он наконец.

– Вот именно, – сказал Вальтер гордо.

– И что тут хорошего? – спросил Карл.

– Как что? – изумился Вальтер. – Король героически ведет все войско в атаку, а сам впереди всех!

– Ну?

– Что «ну»? – озлился Вальтер. – Разве это не героизм?.. Первым вступает в бой, последним из него выходит!

Карл изрек солидно:

– Дурость.

– Ты что? – ахнул Вальтер. – А кто еще из наших королей таков?

– Ты прав, – согласился Карл. – Таких дураков еще поискать.

– Что?.. – вскричал Вальтер гневно, лицо его стало наливаться недоброй багровизной. – А как, по-твоему, надо? Как Саладин, что оставался на вершине холма?

Карл ответил гулко и веско:

– Саладин потому и выигрывал, что с холма видел все поле битвы и успевал кому-то послать подкрепление, кому-то мог велеть отступить... а Ричард, сражаясь своим знаменитым топором, как мясник, не видел даже, что делается в трех шагах! А заходят сарацины с левого фланга или правого... ну, тебе объяснять на пальцах?

Вальтер огрызнулся:

– Меня эти мелочи не интересуют! Король Ричард дрался, как лев!..

– Да, – согласился Карл, – это совсем мелочи: выиграть или проиграть битву, а с нею и весь крестовый поход. Главное – покрасоваться своей силой и умением работать топором. Удивительный король. Жаль, рано погиб, а то бы совсем Англию уничтожил, и отец нашего императора присоединил бы и ее к нашим владениям.

Вальтер сказал гордо и надменно:

– Какие вы все... приземленные! Рыцарские подвиги ни во что ставите! Да пусть весь мир погибнет, лишь бы честь жила!

Манфред слушал их перепалку, в этом месте заплодировал, сказал с удовольствием:

– Люблю людей чести. С ними так надежно. Хотя я не понял, как бы честь жила, если бы мир погиб... но это неважно. Кстати, не удивляйтесь, если при слове «Саладин» не сразу поймут, о ком речь. Его звали Юсуф ибн Айюб, что значит – Юсуф, сын Айюба, а Салах ад-Дин – это почетное прозвище, означающее «благочестие веры». Ну, как у нас Фидель Дефендор – Защитник Веры...

Карл хмыкнул:

– У нас несколько этих Защитников Веры.

– У них тоже, – ответил Манфред. – С этого краешку исламского мира именно этот. А Ричард Львиное Сердце... гм... был франком, а они все такие показушные. Потому англичане так часто их и били. Сам Ричард родился во Франции, воспитывался там, жил, обучался, вел войны сперва с соседями, потом с братьями, затем со своим отцом, королем Генрихом Вторым, который тоже жил во Франции... В Англию он съездил дважды: чтобы короноваться там английским королем, а второй раз, чтобы собрать вторую армию и ограбить своих подданных еще раз. Но на этот раз он не рискнул снова идти в Святую землю, а принялся воевать во Франции, где и погиб. Сейчас же ситуация иная...

– В чем?

– Фридрих II Гогенштауфен, – сказал Манфред значительно, – внук великого Фридриха Барбароссы – настоящий германец, хотя да, ты прав, часть детства провел в Италии. Но он не дикарь с топором! И вы увидите, что, хотя с ним армия в десять раз меньшая, чем приводил Ричард, наш император добьется большего!

Карл прорычал довольно:

– Я на своего императора надеюсь. Не хотелось бы, чтоб как у Ричарда, что и армию всю погубил, и даже сам в плен попал на обратном пути!

– Не попадет, – заверил Манфред твердо и уверенно, но даже поддерживающий его во всем Карл посмотрел со скептицизмом.

Тангейзер с тревогой вспомнил, что все крестовые походы заканчивались разгромом и беспорядочным отступлением уцелевших. А если учесть, что император привел с собой буквально горстку войск, и часть из них – сами же сарацины...

Глава 4

Он вместе со всеми таскал камни, укреплял стены, заделывал пробоины, рядом трудились сарацины, он быстро научился от них самым обиходным словам, это император владеет арабским, будто и родился в их городах, а ему достаточно десятка-другого слов...

От самих сарацин и рыцарей он уже знал, что сарацины очень уважают императора Фридриха, он не только владеет в совершенстве арабским, но и на равных спорит с муфтиями о тонкостях веры, о различиях в понимании Корана шиитами и суннитами, прекрасно знает арабскую литературу и наизусть читает стихи арабских и персидских поэтов.

Более того, Фридрих прекрасно разбирается в тонкостях арабской философии, может цитировать по памяти большие куски из работ мудрецов, Коран знает на уровне муфтия, а в математике достиг таких вершин, что один из изумленных арабских мудрецов воскликнул: «Франк, мы уже ничему не можем тебя научить, учи нас ты!»

А еще, что узнал Тангейзер здесь в Яффе, общаясь с людьми, близкими к императору: он вообще издавна поддерживает самые дружеские отношения с семьями многих исламских султанов, бывал у них. Более того, что совсем непостижимо для европейца, в конце концов завел и свой гарем! Правда, не в суровой Германии, там бы не поняли, а в своих владениях на Сицилии.

Манфред сообщил с почтением, что в Европе его называют за великую ученость и колоссальные знания *Stupor Mundi*, что означает «Чудо мира», арабские мудрецы считают его равным себе мудрецом, который одновременно еще и зачем-то является крупнейшим светским правителем, что умному человеку вроде бы совсем не нужно, а то и мешает...

Константин посмотрел на изумленного Тангейзера, расхохотался гулко и мощно.

– Здорово? Это не песенки сочинять!

Тангейзер встрепенулся, ответил обиженно:

– Это не песенки.

– А что?

– Это то, – сказал Тангейзер, – что может тебя поднять даже со смертного одра и бросить защищать свой дом или страну!.. Это то, что заставляет тебя смеяться и плакать, хотя на тебя не подействует ни щекотка, ни зверские пытки.

– Гм, – сказал Константин, – ладно-ладно, ты прав. Эдэм дас зайне!

– Чего-чего?

Константин отмахнулся:

– Да уж не помню. Это я ученостью побахвалился.

Тангейзер сказал, несколько раздраженный, вдруг показалось, что старшие боевые товарищи над ним подшучивают:

– Человек, придерживающийся фактов, и поэт никогда не поймут друг друга.

Константин сказал с радостным удивлением:

– Правда? Тогда Библия для тебя должна быть Книгой из Книг!

Тангейзер возразил:

– Но Библия... разве там не все факты?

Константин покровительственно похлопал его по плечу.

– Да, – сказал он, – конечно. Но настолько опозитизированные, что под пластами поэзии их и не рассмотришь... Но ты, похоже, Библию знаешь плохо?

– Почему? – спросил Тангейзер настороженно. – Я ее прочел всю!.. Начиная с сотворения мира. Правда, про людей пропустил, неинтересно, но сотворение мира – красотища неопишечная! Каждая строфа дышит величием... Я пытался положить на музыку, но не сумел, слишком грандиозно. Нужно много разных инструментов, а не одна моя лютня...

Константин повторил медленно:

– А про людей пропустил... Хорошо сказано. Люблю я тебя, Тангейзер! Весь ты какой-то...

– Какой?

– Не такой, – сообщил Константин. – Но, наверное, поэты и должны быть немножко иными?

– Все люди немножко иные, – ответил Тангейзер. – Поэт должен быть иным очень даже множко! Одной ногой вообще в другом мире...

– Сумасшедшим?

– На грани.

Поздно вечером, натягавшись камней, усталый и голодный, он пришел в их дом, плотно поужинал, хотя поэты должны голодать, сочиняется вроде бы лучше на пустой желудок, ага, поговорите там, знатоки, а он еще и запил целым кувшином вина, после чего достал лютню.

Когда пришли Константин и Вальтер, тоже запыленные, Тангейзер уже сидел на подоконнике и задумчиво перебирал струны, наигрывая легкую мелодию, останавливался, подтягивал струны, снова начинал пощипывать серьезно и сосредоточенно.

Константин разделся и с наслаждением мылся, хмурая немногословная сарацинка в длинном пестром платье притащила из своего дома кувшин с водой и лила тонкой струйкой, бережно расходуя, крестомосцу на голову, в ее глазах Тангейзер видел тщательно скрытое изумление мощной фигурой франка.

– Лей больше, – потребовал Константин.

– Утонешь, – ответила сарацинка.

– Лей!

– Воды мало.

– Я заплачу, – пообещал Константин.

Она тут же перевернула кувшин вверх дном и вылила всю воду ему на голову и плечи.

Вальтер разделся медленно, неспешно, с интересом поглядывал на Тангейзера.

– Новую песнь складываешь?

Тангейзер покачал головой.

– Нет, очень старую вспоминаю. Ее сочинил участник... даже вожак третьего крестового похода.

Вальтер удивился, даже рубаху задержал над головой.

– Кто? Ричард Львиное Сердце?

– Да, – ответил Тангейзер. – Это меня и удивляет...

– Что король умел складывать песни?

Тангейзер ответил задумчиво:

– Нет, другое...

– Что?

– Королю Ричарду, – ответил Тангейзер с некоторым смущением, – прозвище Львиное Сердце дали не за храбрость, как теперь некоторые начинают думать по невежеству, а за невероятную звериную жестокость, которую он проявлял... И вот этот человек складывал такие нежные и точные песни, где каждое слово уложено, как умелым ювелиром камешек в короне, а каждая нота звучит именно так и так, как может затронуть сердце!

Вальтер сдвинул плечами.

– Тебе кажется, злодейство и талант певца несовместимы?

– Лучше, – сказал Тангейзер, – если бы это было так...

Вальтер отшвырнул рубашку, подумал.

– Видимо, – произнес он веско, – Господь решил не облегчать нам работу уж настолько, чтоб мы вообще сидели сложа руки. И не намечал людей краской: это черные, это белые, это синие, это малиновые... Даже с сарацинами вон как... Вроде бы самые лютые враги, вообще нехристи, но сам видишь, что некоторые куда лучше наших братьев по Кресту.

В сторонке послышался визг, это Константин обхватил огромными лапищами сарацинку и мощно прижал ее к себе с такой силой, что у нее вылетело дыхание.

Освободившись, она погрозила ему кулаком, но уходить не спешила, а лицо, как показалось Тангейзеру, стало уже не таким уж и хмурым.

Яффу укрепили со всех сторон, любой натиск выдержит, штурмом не взять, а осады обходятся нападающим намного дороже, чем тем, кто спрятался за стенами.

Наступили дни вынужденного безделья. В лагерь императора зачастили послы и делегации от султана аль-Камиля, брата великого Юсуфа ибн Айюба, известного в Европе как Саладин, что умер несколько лет назад, оставив власть менее воинственному, но более мудрому брату.

Манфред, появляясь все реже, сообщил гордо, что эмир Фахруддин ибн ас-Саих, лучший друг султана и его личный посланник, привез императору удивительный трактат под названием «Алгебра» великого ученого аль-Хваризми. Император, владея арабским так, словно это родной язык, не только прочел, но и моментально ухватил суть, пришел в восторг от изящности и простоты сложнейших вычислений.

А если учесть, что он из-за тесных связей с исламскими учеными уже знает арабские цифры и давно отказался от сложных и неудобных при вычислениях римских, то с трактатом по алгебре он носится, как с величайшей драгоценностью, что превышает стоимость его короны.

– И что, – прогудел Карл недовольно, – и мы будем учить эти трактаты вместо свершения славных подвигов?

Манфред заверил:

– Подвиги будут! Наша цель – Иерусалим, забыли?

– Мы нет, – ответил Константин, – а император?

– Император ничего не забывает, – сказал Манфред. – Просто он заглядывает вперед дальше нас всех.

Тангейзер, укладываясь поздно ночью, слышал, как восторженно и самозабвенно верещат жабы, здесь они не квакают, а выводят замысловатые трели, прямо болотные соловьи, в комнату залетели и неспешно плавают в воздухе, как в плотной темной воде, светлячки, но ближе к утру наконец-то потянуло прохладой.

Под утро вместо луны поднялся полумесяц шафранного цвета, весь сарацинский, повис над миром, как предвестник новой мессии, свет от него не холодно-призрачный, как в Германии, а теплый и оранжевый...

Он набросил на плечи плащ, от жаркого солнца нужно спасаться заранее, Константин приоткрыл один глаз и сонно поинтересовался, куда это дурного поэта несет в такую рань.

Тангейзер сказал тихо:

– Спи, спи...

Константин проворчал:

– Тут заснешь... Ишак целую ночь орал!

– Но сейчас же не орет?

– Уже поздно, я разозлился. Это не ты его?

– Нет, – ответил Тангейзер. – Зачем мне ишак, я тут одну измаилтянку присмотрел...

Константин пробормотал:

– Какое счастье, что я стихи не пишу...

Тангейзер, пригнувшись, вышел из палатки, горячий воздух сразу напомнил, что это не суровая и холодная Германия, здесь он в другом мире, расскажи кому дома про здешние чудеса – не поверят.

Сильно прищурившись, он взглянул в пылающее синим огнем небо, безумно яркое, немыслимое на его родине. Солнце едва только поднялось, а хрустальный купол уже раскален так, что на землю падает тяжелый сухой жар, и хотя еще утро, но только местным оно кажется прохладным, а он уже чувствует этот зной, проникающий под одежды.

В десятке шагов от их жилища эти странные пальмы, он никак не может привыкнуть к их диковинному виду, а за ними длинная непролазная чаща померанцев, их сарацины совсем недавно завезли из Индии, как говорит Манфред, но распространились они здесь моментально, признав своим это жаркое солнце и сухие пески, хотя народ зовет их горькими апельсинами.

Пышные магнолии, олеандры – что за неведомый мир, и как же, оказывается, он велик, и сколько в нем чудес, и как дивны эти черные, обожженные солнцем молодые и старые семиты, в странных платках на головах, что падают на плечи и закрывают от немилосердного солнца даже спины...

Из-за деревьев вышла молодая женщина в длинном темном платье до самой земли, настолько простом, что больше похоже на ночную рубашку, гордо и красиво, с грацией аристократки, она идет с огромным кувшином на плече, легко придерживая его рукой, ее маленькие ступни в легких сандалиях, тонкие ремешки уходят под платье, он представил себе, что они заканчиваются у колен, и сердце зануло в сладостной неге.

Измаилтянка или иудейка прошла мимо, настороженно бросив в его сторону быстрый взгляд огромных черных очей, обрамленных густыми черными ресницами, и снова его сердце дрогнуло в сладостном предчувствии.

– Салям, – сказал он.

Она лишь чуть-чуть повернула голову, необыкновенно черные и таинственные глаза дико блеснули. Тангейзер ощутил, как остановилось его дыхание, а она прошла мимо, непостижимо прекрасная в своей смуглости, хотя он твердо помнил, что лишь белолицые могут считаться красавицами, а любая смуглость огрубляет, потому дочери аристократов всегда избегают прямых лучей солнца, чтобы не быть похожими на простолюдинок.

Он перевел дыхание только после того, как она прошла мимо, но ему казалось, что за ней остался аромат ее тела, такого же остро-жгучего, как и здешняя еда.

Он, не чувствуя под собой ног и не отдавая себе отчета, двинулся за нею следом. Она словно ощутила его присутствие, оглянулась через плечо, взгляд дик, но не испуган, просто выглядит удивленной, но не уронила кувшин, не вздрогнула и даже не ускорила шаг.

Напротив, как ему почудилось, пошла чуть медленнее. Тангейзер с сильно стучающим сердцем догнал и пошел рядом. Она скосила на него глаза, сейчас почти круглые от удивления, но такие же таинственные и темные, как воды лесного озера в ночи.

– Здравствуй, – сказал он хриплым голосом. – Меня зовут Генрих... Генрих фон Офтердинген Тангейзер. Но это для вас длинно, так что просто Генрих. А тебя?

Она поняла, ответила тонким звенящим голосом:

– Айша...

– Здравствуй, Айша, – сказал он. – Я думал, ты сама Сусанна, за которой даже патриархи подглядывали, когда она купалась... Ты прекрасна, Айша-Сусанна.

Он говорил и говорил, она все замедляла шаги, он видел, как ее лиловые губы чуточку дрогнули в улыбке. Они почти дошли до странных кубических домиков, она остановилась и, посмотрев ему в лицо, произнесла с сильным акцентом:

– Дальше я.

Он остановился, в груди сразу стало пусто, и, наверное, как-то отразилось на его лице, она посмотрела внимательно и сказала:

– Завтра.

Он кивнул, не в состоянии выговорить слова от волнения, она повернулась и пошла уже быстрой походкой, а он все смотрел, как двигается ее тело под платьем-рубашкой.

Глава 5

Он не знал, как убить день и заставить солнце двигаться по небу быстрее. Константин, что тоже потихоньку начал звереть от безделья, предложил навестить их общего друга Манфреда в полевом лагере.

– Кстати, – сказал он и потер ладони, – в прошлый раз он угостил таким чудным вином... Или тебе обет не позволяет пить?

Тангейзер изумился:

– Почему?

– Ну, церковь велит избегать соблазнов...

Тангейзер пояснил с достоинством:

– Мой отец, что покинул этот мир так рано, часто говорил мне: не старайся избегать искушений, со временем они сами начнут тебя избегать.

– Потому он и покинул этот мир так рано, – заметил Константин, – что не избегал, еще как не избегал!

Вальтер поднялся с ложа и принялся натягивать сапоги.

– Погодите, я с вами!

Лагерь крестоносцев расположился и даже раскинулся в живописном месте среди старых роскошных дубов. Там же высятся финиковые пальмы, толстые маслины, а расседланные кони пьют из чистых источников.

Россыпь цветных шатров, перед каждым на высоком шесте гордо трепещет на ветерке знамя графа или фюрста, а в самом центре роскошный дворец из красного шелка, вокруг на расстоянии застыла стража из сарацин, верных и преданных, как лесные волки.

Тангейзер смотрел на них и чувствовал, как ясная и понятная картина мира меняется чуть ли не с каждым днем. Он выехал из Германии в полной уверенности, что едет сражаться с темным миром ислама, в котором нет ни единого светлого пятнышка, и первый шок испытал, увидев, как Яффу без боя захватили сами сарацины и преподнесли с поклоном императору франков.

А потом второй шок, что император Священной Римской империи германской нации постоянно находится в окружении сарацинского войска, которое служит ему верно и преданно.

Теперь вот вчерашний приезд эмира Фахруddина ибн ас-Саиха в их военный лагерь, с ним прибыл большой отряд вооруженной до зубов охраны, но те, вместо того чтобы охранять эмира в стане противника верно и бдительно, тут же смешались с сарацинами императора, разошлись к их кострам. Местные радушно угощают, там они обмениваются новостями, и ошарашенный Тангейзер не мог понять, где свои, а где не свои и что вообще в мире происходит.

Манфред принял радушно, поинтересовался понимающе:

– Что, томитесь без дела? Душа по сражениям истосковалась?

– Еще как, – ответил Константин. – Когда это род Нейратов избегал битв и сражений? Я тут закипать начинаю.

– И я, – сказал Вальтер. – Вальтер фон дер Фогельвейде, как и его славные предки, всегда ищет битву!

Манфред бросил взгляд на Тангейзера.

– А ты, мой друг?

Тангейзер ответил учтиво:

– Мы приехали сюда освобождать Святую землю и Гроб Господень. Я не дождусь дня, когда увижу своими глазами место упокоения Христа.

– Скоро, – заверил Манфред. – Переговоры идут, но император уже послал гонцов к тамплиерам и госпитальерам. Их крепости далековато, но их магистры придут сразу же, это в их интересах... Пойдемте в мой шатер?

Тангейзер сказал нерешительно:

– Может, посидим у костра?

Манфред посмотрел в удивлении:

– Что случилось?

– Хочу увидеть императора, – ответил Тангейзер простодушно.

Манфред засмеялся:

– Из шатра все услышим. Когда выходит, такой шум поднимается...

В тот день императора удалось увидеть только однажды, Фридрих вышел встретить особо важного сарацина, что привез эмиру новые поручения от султана, Тангейзер поразился, увидев императора в монашеском одеянии, тот, как известно, сразу же после коронации вступил в монашеский орден цистерцианцев и завещал похоронить себя в их рясе, но Тангейзер не думал, что император относится к этому так серьезно.

Похоже, цистерцианцы что-то значат, ведь проще вступить в чисто рыцарские ордена, тот же Тевтонский, что вообще создан только для германцев, однако... гм... цистерцианцы...

Он сразу же задумался, нельзя ли это как-то использовать для вхождения в круг близких к императору, перебрал все, что знал о цистерцианцах, но зацепки не отыскал.

Цистерцианский монастырь из всех монастырей христианского мира был тем местом в Европе, где меньше всего думают не только о поэзии или религии, но и вообще, по слухам, не занимаются вопросами веры.

Больше всего цистерцианцы увлекаются новейшими технологиями, и, к примеру, все первые железные мельницы в Германии, Дании, Англии, Южной Италии построены цистерцианцами. Они же создают настоящие промышленные центры по дубильному, кожевенному и суконному производству, строят маслобойни, мельницы, черепичные заводы, а также занимаются торговлей. Аббатства специализируются на производстве стекла, витражей, эмалей, занимаются ювелирным делом, топят воск. Цистерцианцы придумали изготавливать кирпичи больших размеров с несколькими отверстиями для облегчения обжига и последующего использования.

Везде, где рос лес и была хоть какая-то рудная жила, цистерцианцы моментально строят кузницы с мехами и молотами, они же обладают правом искать рудоносные жилы и использовать сухостой для плавильных печей. Цистерцианцы Орваля специализируются на производстве чугунных плит. Искусство их в кузнечном деле столь высоко, что самые надежные доспехи изготавливаются только монахами, и короли всегда горько сожалеют, что монахи отказываются делать мечи и любое другое оружие.

Император, конечно, должен заниматься всеми вопросами в стране, в том числе и думать о благосостоянии народа, но для поэта это слишком низменные заботы...

Погостив у Манфреда, они вернулись к себе в городской дом, Тангейзер бережно нес подаренный ему Манфредом трактат об охоте, «*De arte venandi cum avibus*», который тот настоятельно порекомендовал прочесть.

Весь вечер Тангейзер читал, все больше изумляясь точности и легкости изложения. Константин и Вальтер сели бросать кости, Карл бесстыдно спит, опорожнив полбурдюка вина, а он все читал и читал, с нетерпением поглядывая на красный свет заходящего солнца.

– Никогда бы не подумал, – признался он наконец, – что животные такие... ну, интересно устроенные! Зато теперь понятно, почему они так прыгают или почему летают...

Вальтер отозвался, не отрываясь от костей:

– Почему?

– Долго объяснять, – ответил Тангейзер, он тоже не отрывал взгляда от страниц. – Но все понятно... Кто ее написал?

Вальтер спросил насмешливо:

– Не догадываешься?

– Нет...

– Но раз дал Манфред, а он влюблен в императора...

Тангейзер спросил с недоверием:

– Что, в самом деле император?

– Он, не сомневайся.

Тангейзер спросил все еще с недоверием:

– Он что, настолько хорошо знает анатомию животных?

Вальтер хохотнул, Константин проворчал:

– А разве не он распорядился, чтобы в медицинских школах, которые он велел открыть, обучали вскрывать трупы и внимательно изучать все внутренние органы человека? Дескать, без этого нет медиков!..

Тангейзер пробормотал:

– Ну, мне для общения с императором это не понадобится...

– Думаешь?

– Ну да...

– Сомневаюсь, – ответил серьезно Константин. – Если не хочешь прослыть болваном, что ничего, кроме своих песен, не знает и знать не желает, ты должен хотя бы знать, что любит и ценит император. Пусть даже для того, чтобы избегать этих тем.

– А-а-а, – сказал Тангейзер, – это другое дело. Потому что я, если честно, ничем, кроме песен, не интересуюсь.

– И женщин, – добавил Вальтер ехидно.

– И вина, – уточнил Тангейзер. – Хорошего.

– И вкусной еды, – продолжил Константин. – И вообще развлечений.

– А разве не ради развлечений живет человек? – спросил Тангейзер. – Тут я согласен с императором, церковь налагает на людей слишком уж тяжкую ношу, многим вообще непонятную.

Константин предупредил:

– Если вдруг будешь с ним общаться, эту тему лучше не затрагивай. Во избежание.

– Почему? Я слышал, император вообще безбожник!

Константин сказал строго:

– Это другое дело. Но он понимает необходимость церкви, ее узды для простых людей и высоких целей для людей с благородными душами. Потому церковь в его присутствии нельзя критиковать... глупо, а по-другому ты просто не сумеешь. Потому лучше молчи, говори о том, что знаешь.

– А о чем он знает? – спросил Вальтер лениво.

– Тогда пусть молчит, – сказал Константин. – Молчит и улыбается, молчит и улыбается.

Тангейзер буркнул:

– Совсем дураком хотите выставить? Я о поэзии могу. Да и вообще...

Вальтер обронил рассеянно:

– Поэт обо всем может! На то он и поэт.

– Ну да, – согласился Константин, – если так смотреть, то да, может. И очень долго. Может даже под музыку. Главное, чтоб громко.

Похоже, вчера он переволновался изрядно и, вконец опустошенный, забылся к ночи тяжелым сном, от которого очнулся, когда солнечный зайчик начал щекотать в носу. Он громко

чихнул, испуганно открыл глаза, и первая же мысль сделала его счастливым. Сегодня он увидит Айшу!

Выглянул в окно, небо синее и пугающе высокое, просто бездонное, там висит ястреб, растопырив крылья, словно подвешенный между небом и землей, в город со стороны сел идут вереницы верблюдов, ослов и мулов, все навьючены битой птицей, дичью, кругами сыра, молоком и овощами.

С прибытием франков торговля оживилась, а цены заметно выросли, как с неудовольствием говорят местные.

Он сперва ждал ее там, где в последний раз увидел, затем взобрался повыше, чтобы не пропустить, когда появится издали, а когда в самом деле показалась вдаль между стенами в узком проулке, бежал вниз, едва не расшибаясь о стены домов и развалины древних строений, страшась упустить.

Она улыбнулась, видя, как он выскочил навстречу, а он подбежал и попытался схватить ее в объятия, однако она с силой отстранилась, покачала головой:

– Нет.

Он сказал, задыхаясь от волнения:

– Но почему?.. Я хочу быть с тобой... Ты так прекрасна!..

Она некоторое время смотрела на него черными глазами, в которых он видел только ночь, затем сказала медленно:

– Иди... за мной. Далеко.

И, повернувшись, пошла той же независимой походкой, что накануне привела его в вос-торг, словно принцесса, перед которой склоняется весь мир.

Выждав чуть и надеясь, что понял все верно, он с сильно стучащим сердцем пошел следом, отпустив ее шагов на пятьдесят и поглядывая по сторонам, делая вид, что любит красоту древнего города, что выстроен на руинах еще более древнего, населявшегося народом, уже исчезнувшим полностью.

Она свернула у древних развалин, которые именуются воротами Яффы, хотя Тангейзер не видел никаких ворот, пошла узким переулком, над которым протянуты веревки с развешанным бельем, прошла пять или шесть домов и, оглянувшись, чтобы проверить, идет ли молодой франк следом, вошла в дом и начала подниматься по узкой каменной лестнице, сильно истертой множеством ног.

Тангейзер шел следом, задыхаясь от волнения, а когда торопился, то дважды догонял ее на лестнице, однако сарацинка или иудейка, кто их разберет, уже ничего не сказала, и когда они вошли в небольшую пустую комнату, где ничего, кроме бедного ложа с рваной рогожей вместо покрывала и стола с двумя стульями, она сразу же легла навзничь и посмотрела на него ясно и просто, продолжая хранить молчание и не сделав больше ни единого жеста.

Он быстро подошел к кровати, рванул рубашку через голову.

– О, Сюзанна...

Она не поправила, что ее зовут Айша, смотрела на него темными загадочными глазами, но он увидел, как в них появились багровые огоньки и начали разгораться.

За окнами то и дело слышался стук колес, голоса прохожих, он осторожно опустился к ней на ложе и с некоторым трепетом заглянул в ее непонятные нечеловеческие глаза.

– Мне кажется, – прошептал он, – я попал в сказку...

Она молча обняла его.

Глава 6

С того дня они встречались ежедневно, а он научился приходить заранее и ждал в той комнате заброшенного дома, каких немало в разоренной Яффе, где не только дома, целые кварталы стоят пустыми.

Ему нравилось в ней все, как загадочность утонченно-восточного лица, так и тело, смуглое, худошавое, но сильное и гибкое, с густой черной порослью волос под мышками, тонкие ключицы, остро выступающие под кожей, ее изящно вылепленные раковины ушей, пальцы рук и ног, совершенные по форме, которым могла бы позавидовать любая графиня или герцогиня в Германии.

Он молча любовался ее дикой для европейца красотой: смуглое лицо и роскошь иссиня-черных волос, неимоверно густых, блестящих, как мех сказочного зверя, глаза огромно-продолговатые, брови неприлично густые, смыкающиеся над переносицей, а ресницы обрамляют глаза, как сказочно прекрасная оправа оттеняет красоту агата.

Даже пламенно-багровые губы, что окружены нежным темным пушком, приводили его в восторг, он тихо млеет от ее южной красоты, странной там, в стране снегов, и такой понятной и естественной здесь...

Подходя к дому, он услышал веселый рев в четыре голоса боевой походной песни крестоносцев, такая хорошо звучит под ровный стук копыт на марше, даже кони идут бодрее, но сейчас, прислушавшись, Тангейзер признал, что и без аккомпанемента в виде конского всхрапывания песня звучит просто здорово.

За столом, уставленным чашами с вином, с Карлом, Константином и Вальтером пирует и Манфред, раскрасневшийся и довольный, потное лицо то и дело вытирает большим сарацинским платком.

Завидев Тангейзера, сказал приветливо:

– Вижу, наш поэт бродит по городу в поисках впечатлений?

– Вроде того, – согласился Тангейзер.

– И как?

– Иногда получается, – ответил Тангейзер уклончиво. – Все-таки это другой мир, другая культура, другие обычаи...

Манфред сказал одобрительно:

– У тебя свежий взгляд, юноша. Это мне здесь все кажется привычным, ничему не удивляюсь, даже обидно!.. Да еще вон Константин за пять лет тоже привык, для него и сарацины уже как родня... Говорит, так и жить неинтересно.

Константин со стуком опустил чашу на столешницу.

– Неинтересно, – подтвердил он. – Должны быть либо приключения, либо... хотя бы хорошие драки!

– Что тоже приключение, – сказал Манфред с улыбкой. – Хоть и мелкое... Ну что, дружище, готов идти в гости во дворец к императору?

Тангейзеру показалось даже, что обращаются не к нему, вздрогнул, посмотрел на сурового рыцаря с надеждой.

– Я?..

– А кто у нас певец?

Тангейзер вскрикнул:

– Конечно же, я готов! И счастлив...

Манфред опустил чашу на стол и поднялся, исполненный достоинства и величественный.

– Тогда хватай лютню, и пойдём, – велел он. – Ехать довольно далеко.

Тангейзер спросил осторожно:

– Разве его величество не в лагере?

Манфред покачал головой:

– Нет. Султан подарил ему дворец, он в пяти милях от лагеря, и его императорское величество изволил перебраться туда. Сейчас он созывает гостей, чтобы отпраздновать вселение...

– Я мигом! – вскрикнул Тангейзер.

Через несколько минут он, уже одетый празднично и с лютней за спиной, стоял перед Манфредом. Тот оглядел его придиричливо, но кивнул, то ли оставшись довольным, то ли не придал слишком большого внимания тому, как одет, поэтам прощается некая вольность в одежде и поведении.

– Пойдет, – произнес Манфред. – Все, поехали!

У ворот дома их уже ждал небольшой отряд сопровождения, все как на подбор сарацины. Тангейзер взобрался в седло, и они сразу пошли вскачь к выходу из города, а потом по широкой протоптанной дороге вроде стены роскошных олив миновали лагерь, и наконец Манфред вытянул вперед руку.

– Вон он, подарок императору!

Впереди открылось поле желтеющей пшеницы, через него идет широкая дорога, обрамленная оливами и акациями, а дальше поднимается серебристая крыша исполинского дворца.

Далеко вперед вынесен забор из таких тонких металлических прутьев, что Тангейзер издала его и не рассмотрел.

У них приняли коней, Манфред сказал с приветливой улыбкой:

– Все, мы прибыли.

Дворец утопает в зелени, видна только крыша и веранда под нею, Тангейзер шел по широкой дороге, где с обеих сторон пышно цветут мимозы, по каменному желобу бежит чистой вода, напиток слетаются стрекозы с прозрачными неподвижными крыльями, дивно прекрасные бабочки, толстые мохнатые шмели...

Наконец открылся во всей сказочной красоте дворец, настолько светлый и радостный, что у Тангейзера завистливо трепыхнулось в груди, ну почему, почему таких чудес нет в Германии, нет вообще в холодной и мрачной Европе!

К дворцу не ведут ступени, как обычно в Европе, просто вокруг него площадь закована в белый мрамор, по которому так легко и радостно ступать. Когда приблизился к поддерживающим крышу колоннам, изумился, что нет обязательной стены с массивными воротами, на которой стражники с копьями...

Площадь незаметно перешла в такой же мраморный пол и внесла с собой все ароматы и запахи сада. Манфреда и Тангейзера с улыбкой встретил пухлый человек в роскошном халате, поклонился и указал, куда свернуть.

Манфред внезапно остановился, лицо его посерьезнело.

– Я пока тебя оставляю, – сказал он, – мой юный друг...

– Но как же...

– О тебе позаботятся, – прервал Манфред. – Пойми, это для тебя пирушка, а для меня еще и работа.

Он исчез, дружески подтолкнул его в сторону далекой двери. Залы все-таки существуют, как убедился Тангейзер, но врата настолько узорные, цветные и разукрашенные дивным узором, что и они смотрятся лишь как редкие картины, он шел нарочито медленно, стараясь не вертеть головой, неприлично, но рассматривая все жадно и восторженно.

Издали донеслись звуки музыки, он чуть было не ускорил шаг, но удержался, на той стороне зала настолько большая дверь, что можно верхом на коне, по обе стороны двое стражей, наконец-то, оба в кольчугах из мелких колец, огромный рост и угрожающий вид, в руках копь с блестящими наконечниками, острыми, как бритвы.

Откуда-то сбоку вынырнул улыбающийся человечек в таком же расшитом халате, как и первый, только еще больше золотого шитья, поклонился и спросил по-немецки с сильным акцентом:

– Тангэй... зэр?

Тангейзер кивнул:

– Он самый.

– Прошу вас, – сказал человек в халате. Он распахнул двери и отступил с поклоном. – Сюда...

Тангейзер сделал шаг и ощутил, что ноги отказываются повиноваться. Ему показалось, что попал в рай, а еще подумал, что рассказы о гареме, который Фридрих держит у себя на Сицилии, – чистая правда. Здесь тоже все пропитано чувственными наслаждениями, начиная от приторных ароматов, томной музыки и молчаливо скользких полуголых девушек с подносами в руках, либо уставленными чашами с уже налитым вином, либо с огромными гроздьями спелого винограда.

Одна остановилась перед ним, в руках поднос с тремя серебряными чашами, полными красного вина, улыбнулась чарующе.

– Господин...

Тангейзер не мог оторвать взгляда от ее груди, едва прикрытой почти прозрачной тканью, которую никак не назовешь платьем, потому что руки и одно плечо открыты полностью, а еще вместо подола ноги словно бы в мужских штанах, только собранных внизу и таких же кисейно-прозрачных, у сарацин это называется, как он слышал, шароварами...

Она улыбалась, видя, куда он смотрит, повторила:

– Господин?

Тангейзер не успел ответить, в зал быстрыми шагами вошел Манфред, он уже сбросил где-то камзол, оставшись в одной рубашке.

– Кто работает хорошо, – сказал он бодро, – тот работает быстро!

Тангейзер промямлил:

– А что здесь...

Манфред сказал так же уверенно:

– Я отдал там пару распоряжений, все сделают без нас. А ты начинай развлекаться, ты же поэт!

Тангейзер сказал нерешительно:

– Я все-таки германский поэт... Во мне такая глыба льда! Пока осмотрюсь...

Манфред повернул голову к девушке с подносом в руках.

– Слышала?.. Его надо будет сперва разогреть. Хотя бы вином для начала. А ты, милашка, если хорошо постарайся, получишь его позже.

Девушка пообещала весело:

– Я буду очень стараться!

Манфред обошел диван с той стороны и поманил Тангейзера к себе. Тот обогнул диваны, Манфред сразу же по-хозяйски расположился с двумя молодыми по-восточному яркими женщинами. Обе черноволосые, смуглые, одетые в тончайшую кисею, и обе льнут к нему, ласково проводят ладонями по телу, забираются в расстегнутый ворот рубашки, одна начала опускать ищущие пальцы ниже и ниже...

Манфред сказал нетерпеливо:

– Бери вино, согревайся! Можешь сразу согреваться... ха-ха!.. женщинами.

Тангейзер пробормотал:

– Но это точно не святотатство?.. Я, знаете ли, христианин и собираюсь им остаться.

Манфред хохотнул.

– Ну-ну, никто тебя и не уговаривает переходить в ислам. Я тоже почти праведный христианин. Это наш господин Фридрих говорит, что в мире есть только три великих обманщика: Моисей, Христос и Мухаммад, двое из которых умерли в почестях, а один на кресте...

Тангейзер ужаснулся:

– Он так и говорит? До меня доходили слухи, но я думал, что клеветают!

– И еще он говорит, – сказал Манфред лениво, – что не верит в непорочное зачатие Девы Марии. Тут его даже сарацины осуждают, в исламе непорочное зачатие никто не смеет подвергать сомнению... Да ты сядь, чего стоишь? Все еще не решаешься?.. Император может быть безбожником, но это нам не мешает быть христианами!

Тангейзер медленно и с опаской опустился на роскошный диван, тот с такой готовностью прогнулся, что Тангейзер в смятении приподнялся снова.

Манфред захохотал, и тогда он, стиснув челюсти, сел и принял вольную позу. Одна из танцующих девушек приблизилась, не переставая двигать животом и бедрами, зазывно улыбнулась и сделала еще шаг, вдвинувшись между его раздвинутыми коленями.

– Да возьми же ее, – сказал Манфред весело. – Ну? Это же Восток, дружище!.. Здесь нет христианского целомудрия.

Тангейзер чувствовал, что раз эти девушки здесь именно для наслаждений хозяина дворца и его гостей, то он волен протянуть руку и взять ее, но странная робость охватила, и он смотрел на нее с сильно бьющимся сердцем и застывшей улыбкой на губах.

– Знаете, – проговорил он скованно, – все-таки это таинство... Даже когда деревенскую девку сцапаешь, и ту тащишь в кусты или на сеновал подальше от людских глаз...

Манфред отмахнулся с великолепной небрежностью.

– Ты еще девственник, как вижу, в этих вопросах. Сарацины к этому относятся проще. Многое из того, что у нас объявлено грехом, у них просто радость жизни.

– Но радость...

– Телесной жизни, – уточнил Манфред с улыбкой. – Той самой, что у нас церковь отрицает полностью. Это противно природе человека, не находишь?

Танцовщица села рядом, правильно истолковав нерешительность молодого красивого франка.

– Еще не знаю, – пробормотал Тангейзер.

– Тогда просто слушай старшего, – сказал Манфред серьезно. – Я был еще строже, чем ты! Я же не поэт, которым больше разрешается... Но и то я видишь как с ними прост?..

Тангейзер сказал угрюмо:

– Я бы тоже, но что-то мешает... вот так сразу.

– Ты христианин, – сказал Манфред серьезно. – Очень даже стойкий. Я тоже христианин, но здесь я живу по их правилам. Это называется выказывать уважение чужой культуре.

Тангейзер робко улыбнулся.

– Ну, я думаю, таким образом выказывать уважение не так уж и тяжело...

– Сыграй что-нибудь, – попросил Манфред.

– Здесь?

Манфред усмехнулся.

– А ты играешь только перед императорами?

Тангейзер смутился, пролепетал, чувствуя себя совершенно оскандалившимся:

– Я просто совершенно сбит с толку...

– Но ты же хотел, как мне сказали, попасться на глаза императору?

– Очень!

– Ты уже в его дворце, – обнадежил Манфред. – Это немало. Хотя тебя пригласил не он, а я, но ты здесь, куда приглашают немногих! Пой, а если у императора будет время, он изволит послушать и тебя...

Тангейзер вздрагивающими пальцами перекинул лютню со спины вперед, быстро подправил струны. Манфред наблюдал с подбадривающей улыбкой.

– Ну-ну, не трусь.

– Песнь о любви рыцаря, – сказал Тангейзер неуверенным голосом, – к прекрасной даме...

Он тронул струны и запел, сперва тихо, но устыдился своего робкого голоса, взял себя в руки, а Манфред наблюдал с интересом, время от времени наклонял голову, дескать, давай не трусь, император тоже наш, германец, не сарацин, такие песни понимает и принимает...

Девушки долгое время хихикали в сторонке, потом подошли и с удовольствием смотрели на молодого красивого рыцаря, он понял со стыдом, что даже не слушают, ощутил, как начинает краснеть, однако то ли пожалели, то ли в самом деле начинает нравиться, но сели вокруг на диванах, сперва возились и пихались, демонстрируя свои округлости, затем заслушались, он почувствовал, что да, в самом деле слушают.

Он уже начал выдыхаться, однако в комнату вошел мужчина в дорогом восточном халате, что-то шепнул Манфреду на ухо и взглядом указал на Тангейзера.

Манфред кивнул, повелительным жестом велел Тангейзеру оборвать песнь.

Тангейзер торопливо закрыл рот и прижал дрожащие струны ладонью.

– Похоже, – сказал Манфред шепотом, – к императору донесся тот шум, что ты производишь. Во всяком случае, он готов теперь послушать и песни. Пойдем быстро!

Тангейзер торопливо вскочил, Манфред широкими шагами направился к расписной, словно сказочной двери, два огромных сарацина по обе стороны входа посмотрели на них с угрюмой враждебностью, в руках огромные секиры, но не сдвинулись с места.

Манфред переступил порог, поклонился. Тангейзер двинулся следом, чувствуя себя как на иголках.

Комната большая и роскошная, вся в светлых узорах, Тангейзер уже знал, что сарацинская вера запрещает изображать людей или животных, даже растения нельзя, потому все здесь так необычно, даже мебель странная, чрезвычайно изысканная и удобная, будто не для мужчин, а избалованных женщин.

Император, однако, не на ложе, а в кресле, ничуть не похожем на трон, смотрит с интересом.

Тангейзер преклонил колено.

– Ваше Величество...

Император сказал доброжелательно:

– Мы на отдыхе, так что опустим некоторые детали докучливого этикета, дорогой барон.

Тангейзер уточнил почтительно:

– Фрайхерр, Ваше Величество.

Император сказал с улыбкой:

– В нашей армии, кроме германцев, присутствуют также рыцари из Англии, Франции, Италии... Не будем принуждать их заучивать наши титулы, у военных людей вообще трудно с запоминанием.

Манфред грубо хохотнул.

– Слишком часто, – прогрохотал он, – получали по головам, вот память и отбило у многих.

Император улыбнулся.

– Зато какие подвиги!

Манфред пояснил:

– Тангейзер, фрайхерр в других странах соответствует барону, так что если европейцы будут называть тебя бароном, а сарацины – беем, хедивом, а то и эмиром, не брыкайся и не поправляй. В некоторых племенах бей выше хедива, так что сразу не хватайся за меч!

Тангейзер спросил непонимающе:

– А что, мне придется разговаривать с сарацинами?

– Никто не заставляет, – ответил Манфред весело, – но что-то мне подсказывает, еще как подсказывает...

Он остановился, засмеялся. Тангейзер спросил с непониманием, поглядывая на императора, что наблюдал за ними с улыбкой отдыхающего человека.

– Что подсказывает?

– Что будете общаться, мой дорогой друг. Еще как будете!

– Ну знаете, дорогой друг, – ответил Тангейзер с достоинством, – я простой рыцарь, дипломатии не обучен.

Император обронил:

– Зато обучены сложению песен?

Тангейзер поклонился.

– Ваше Величество, это такое искусство, как вы сами знаете по себе... ему либо обучаться сам, либо ничто уже не научит.

– Согласен, – ответил император, – продемонстрируйте что-нибудь из своих песен, дорогой барон. Именно тех, что вы сочинили лично.

– Ваше Величество, – ответил Тангейзер с поклоном. – Это для меня громадная честь...

Глава 7

Император указал мановением руки, где сесть, Манфред опустился на диван рядом с Тангейзером, словно для незримой поддержки. Тангейзер в самом деле чувствовал, что от старого воина струится нечто такое, что вселяет силы и уверенность.

Фридрих слушал Тангейзера с задумчивым видом и, даже когда прозвучала последняя нота, долго звеневшая в тишине, некоторое время не двигался, погруженный в думы.

Тангейзер молчал почтительно, он чувствовал, что песня получилась, но, как все говорят, у императора прекрасный вкус, он моментально улавливает не только малейшую фальшивую ноту, но и крохотное нарушение ритма, слога или неверное звучание.

Манфред тоже помалкивал почтительно, но с этим проще, ему медведь уши оттоптал, и знатный рыцарь это знает.

Наконец император пошевелился, взглянул на Тангейзера.

– Завидую, – произнес он вполголоса.

Тангейзер спросил в недоумении:

– Чему, Ваше Величество?

Император слабо улыбнулся.

– Перед вами у меня были иудейские мудрецы, мы разбирали сложные места в Талмуде... я доволен, мы кое-что раскопали интересное, но вот сейчас думаю, а почему Господь меня не одарил такой же способностью сотворять песни?

Манфред недовольно хрюкнул, Тангейзер возразил:

– Вы складываете дивные стихи, Ваше Величество!.. Я читал их, говорю не понаслышке. К тому же вы первый человек в мире, который складывает стихи не на латыни, а на итальянском языке, которого вообще-то как бы и не существует... но теперь будет существовать, и вы будете его отцом.

– Так то стихи, – возразил Фридрих, – но я не могу делать такие же песни!

– А вы пробовали? – спросил Тангейзер с недоверием. – В смысле, хорошо пробовали?

– Еще как!

– А то, – пояснил Тангейзер неуклюже, – те счастливики, которым все легко дается, обычно не любят стараться там, где нужно приложить усилия...

Император покачал головой.

– Я знаю, но я старался... Однако что-то пальцы мои, привыкшие к мечу, не могут с такой же скоростью перебирать струны!

Манфред пробасил:

– Вот и хорошо! Не монаршее это дело.

Тангейзер ответил почтительно:

– Ваше Величество, я не умею ничего больше, кроме как складывать песни. Если бы я знал и умел столько, как и вы... не знаю, складывал ли бы я песни...

– Складывал бы, – ответил Фридрих с убеждением. – Мне кажется, уметь создавать песни – это просто божественный акт творения.

Манфред взглянул на него, поднялся.

– Ваше Величество, мы рады, что заполнили паузу между вашими великими делами, но сейчас мы должны откланяться.

Император сказал с улыбкой:

– Вы мне доставили истинное наслаждение! Спасибо, Манфред, мой старый друг.

– Всегда к услугам Вашего Величества, – ответил Манфред.

Он поклонился и, подталкивая Тангейзера в спину, вывел того из комнаты.

Стражи взглянули на них налитыми кровью глазами, словно подозревают в убийстве императора, а Манфред повел безумно счастливого Тангейзера через анфиладу залов к выходу из дворца.

– Понравилось? – спросил он на ходу.

– Еще бы, – выдохнул Тангейзер. – Это же император!

Манфред поморщился.

– Ну, я видел уже троих... даже четверых. Его дед, что держал два года в плену английского короля Ричарда Львиное Сердце, тоже был хорош, но этот превосходит всех, кого я знал.

Солнце опускается медленно и торжественно к вершинам далеких гор, Тангейзер услышал далекий и печальный призыв с высокой башни, Манфред называет их минаретами, муэдзин призывает поблагодарить Творца за жизнь в прекрасном мире, который он создал для людей.

Манфред покачивается в седле, погруженный в глубокие думы. Тангейзер ощутил, что в это время дня, когда солнце вон коснулось Моавитских гор и медленно сползает за их округлые вершины, как раз правильно преклонить колено и поблагодарить Господа... или же расстелить коврик и склониться перед Аллахом, ибо душа в это время особенно готова к общению со Всевышним...

...с другой стороны, его свидания с Айшой становятся все смелее и чаще, сегодня обещала прийти на всю ночь, так что ладно, Всевышний обождет, у него времени больше, чем у смертных, которым нужно успеть насладиться всеми прелестями жизни.

Манфред сказал внезапно:

– Ты показал себя хорошо.

– Спасибо, – ответил Тангейзер польщенно.

– И песни хорошие, – уточнил Манфред. – Императору понравилось, что главное.

– Спасибо, я рад...

– Он говорил однажды, – продолжил Манфред, – что как гимнастика выпрямляет тело, так музыка выпрямляет душу человека.

Тангейзер подумал, сказал нерешительно:

– Я об этом не думал... Я просто сочиняю.

– Но нельзя же сочинять, – возразил Манфред, – что попало! Иначе будет один вред. Человеку дай волю, он такого насочиняет!.. Потому за детьми присматривают родители и наставники, а за взрослыми – церковь.

– Не люблю, – возразил Тангейзер, – когда за мной присматривают. Когда-то я должен распоряжаться сам своей судьбой?

Манфред хмыкнул.

– А ты готов?

– Я всегда был готов!

Манфред кивнул:

– Да, мне это говорили дети, еще как только научились разговаривать. Я тоже всегда считал, что готов... это вот только теперь начинаю сомневаться. Но всегда был уверен, что существовать должна только та поэзия, что делает меня чище и мужественнее. И всех людей, конечно.

Тангейзер поморщился.

– Так ты убьешь ее почти всю. Человек живет не только подвигами!

– Но подвигами в первую очередь!

Он говорил твердо и решительно, Тангейзер не решился спорить с человеком, который в любой момент вхож к императору на правах старой дружбы, сказал высокопарно:

– Музыка неотделима от вещей божественных, потому император так интересуется ею.

– Император интересуется много чем, – буркнул Манфред. – Даже наукой и математикой, хотя не понимаю, зачем это ему.

Тангейзер фыркнул:

– Я вообще не понимаю, зачем людям наука и математика!

Манфред засмеялся, конь под ним уловил команду и перешел в галоп.

Навстречу подул непривычно холодный ветер, пронизывая теплый неподвижный воздух, как ледяными копьями. Солнце исчезло за горами, там некоторое время еще ярко блестели, медленно угасая, вершины, но на долины внизу уже пала печальная тень, смазывая краски.

Облаков нет, потому закат нежно-алый, окрасивший только западную часть небосвода и быстро уступающий место странной лиловости, что предшествует приходу ночи.

Яффа выступила из марева, сверкающая в полумраке, как огромная известковая гора. С моря накатывают волны солоноватого воздуха, мягкого, как ладони любящей женщины.

– А мне здесь нравится, – сказал Тангейзер.

Манфред покосился на него почти враждебно.

– Еще бы.

Тангейзер надеялся, что его позовут на следующий день, но пошла вторая неделя, о нем не вспоминают, наконец понял очевидное: император прибыл не его песни слушать, идет подготовка ко вторжению в глубины Святой земли, где высится город, давший начало трем величайшим религиям мира, равно почитаемый иудеями, христианами и сарацинами.

Сегодня звонко прозвенели трубы, конный отряд рыцарей из знатных семей выехал из лагеря, на этот раз и Тангейзер получил право участвовать в таких выездах, он мчался рядом с Карлом, Константином и Вальтером и жадно смотрел на приближающийся большой отряд сарацин.

Кроме богато одетых всадников, что едут впереди, важные и надменные, за ними на десятке верблюдов везут ящики и раздутые тюки, подарки от султана Фридриху, а замыкают колонну две сотни сарацин самого свирепого вида, крупных, в добротных кольчугах, закрывающих даже руки и ноги, в стальных конических шлемах.

Кривые сабли у всех в ножнах, рукояти у многих украшены драгоценными камнями такой величины, что у многих крестоносцев из груди вырывались вздохи зависти.

Манфред, что командует рыцарями, выкрикнул команду, его люди рассыпались вокруг каравана, обеспечивая добавочную охрану, а он подъехал к всадникам во главе отряда, поклонился, прикладывая ладонь к груди, что-то спросил.

Больше Тангейзер его не видел, при перестроении оказался почти в хвосте отряда и вынужден был глотать пыль от верблюжьих копыт, пока не прибыли в расположение императорских войск.

Повезло Вальтеру, он сопровождал знатных гостей прямо во дворец императора, подаренный тому султаном, даже помогал размещать, и теперь бахвалился весело:

– До чего же любезный этот эмир Фахруддин ибн ас-Саих!.. И хотя вина не пьет, какая жалость, но привез нашему императору несколько юных дев, полученных султаном аль-Камилем в качестве дани от покоренных племен!

Тангейзер сказал завистливо:

– Мне кажется, император умеет устраиваться даже в походе, не так ли?

– Умеет, – согласился Вальтер. – Что глазки заблестели?

Тангейзер тяжело вздохнул.

– Мне теперь каждую ночь снятся гурии, которых увидел при первом и, увы, единственном посещении императора.

Константин прислушался, захохотал мощно.

– Что, завидуешь?

– Еще как, – признался Тангейзер. – Я не сарацин, но хотел бы после смерти оказаться в магометанском раю!

Вальтер посмотрел на Константина и тоже расхохотался чисто и звонко, словно высыпал из мешка кучу серебряных колокольчиков.

– Потерпи, – сказал он так значительно, словно это зависело только от него.

– А что изменится? – спросил Тангейзер безнадежным голосом.

– Как только будет передышка, – объяснил Вальтер, – император устроит прием, а это он еще как умеет, пойдут песни, барды покажут свое умение, девушки начнут танцевать и одарять всех гостей любовью...

– Слава императору! – воскликнул Тангейзер пламенно. – Когда этот эмир отбудет?

Вальтер покачал головой.

– Не спеши... Я слышал, они с императором старые друзья. Сперва затеют философский диспут, оба это любят, потом изящные беседы о прекрасном... в этом оба тоже знают толк, затем поговорят о тонкости понимания персидской поэзии... оба, кстати, могут читать наизусть целые поэмы.

– Господи, – воскликнул Тангейзер, – зачем ты одаряешь одного человека тем, что можно с запасом раздать двадцати?

– Умений императора, – сказал Константин и снова грубо захохотал, – хватило бы на сорок рыцарей или тысячу... ха-ха!.. поэтов. Но, увы, его таланты не спасают его от безудержного папского гнева...

Вальтер сказал осторожно:

– Вообще-то праведного...

– Это как сказать, – заметил Константин серьезно. – Мы же не в Германии! А здесь... гм... природа такая.

Тангейзер крутил головой, глядя то на одного, то на другого, пока не понял, что речь идет о письме патриарха Герольда папе Григорию, которое усилиями священников попало в ряды крестоносцев и ходило по рукам.

Патриарх писал с гневом: «...с прискорбием, как о величайшем позоре и бесчестии, вынужден доложить вам, что султан, узнав о любви императора к сарацинским нравам и обычаям, прислал тому певец, фокусников и жонглеров, о развратной репутации которых среди христиан даже упоминать не принято».

Это письмо было получено папой год назад, он пришел в негодование и дал его прочесть своим кардиналам, а те передали ниже, однако ожидаемого негодования в народе и войске это не вызвало. На Сицилии сарацины уже столетия жили мирно вместе с христианами и евреями, мечеть, синагога и католический храм расположились по краям одной площади, никогда жителей это не задевало, и все как-то считали само собой разумеющимся, что у германского императора есть роскошный дворец, а при нем гарем, если они есть даже у богатых сарацин...

На другой день после приезда эмира Фахруддина ибн ас-Саиха Тангейзер узнал, что, помимо десятка юных дев, предназначенных в наложницы, с эмиром прибыли и двое ученых мужей, а это значит, что сарацинское посольство останется, пока император не насладится вволю беседами по таким глубоким проблемам философии, как природа Вселенной, бессмертие души, логические построения Аристотеля...

Еще прошлые разы, когда вот так приезжали мудрецы, те бывали настолько очарованы умом и познаниями франка, что вместо двух запланированных дней оставались на неделю, упиваясь возможностью поговорить с человеком, который знает не меньше их, но умеет трактовать иначе.

Наконец в конце второй недели, когда Вальтер и Карл, оба загадочно ухмыляясь, ушли по неким делам, о которых сообщить отказались, во дворе послышался цокот подков, конское ржание и сильные мужские голоса.

Константин выглянул, сказал довольно:

– Манфред прибыл!.. Хорошая примета...

Сердце Тангейзера трусливо задергалось в ожидании перемен, через пару минут вошел Манфред, очень довольный, от него пахнуло хорошим вином и, как показалось Тангейзеру, чем-то вроде женских притираний.

– Ну как? – спросил он живо. – Новые песни есть?

Тангейзер уныло протянул:

– Есть... Но что толку? Константин от них ржет, а Вальтера и Карла в сон клонит.

– Я нашел слушателей, – сказал Манфред таинственным голосом. – Но ты должен показать себя!

Тангейзер встрепенулся.

– Неужто к императору?

– Не совсем, – пояснил Манфред, – но во дворец. Не исключено, что император тоже услышит.

– А он не во дворце?

– Он в других апартаментах, – объяснил Манфред. – Его сарацинские друзья не пьют даже в гостях! Представляешь? Хотя, как я слышал, у них там есть лазейка. Дескать, дома нельзя, но когда в чужих краях, то, чтоб не допускать себе ущерба, можно...

Константин, что слушал молча, проворчал:

– Сарацины – крепкие ребята. Это нашим нужны отговорки, а они держатся. Умирать будут, а пить вино не станут.

– Ладно-ладно, – сказал Манфред, – нам больше останется. Если бы они еще и к женщинам не прикасались, нам бы здесь вообще рай... В общем, к нашим услугам будут хорошие вина, а то и лучшие, сарацинские одалиски... ты еще не знаешь, что это?

– Нет...

– Узнаешь, – подбодрил Манфред. – Давай, собирайся.

Константин угрюмо пробасил:

– А я?

– Ты там всех распугаешь, – ответил Манфред. – Но вы здесь, как я слышал, тоже неплохо устроились?

– Это Вальтер и Карл, – сообщил Константин хмуро. – А я пока держусь, хотя дьявол старается насчет искушений...

– Вот и держись, – подбодрил Манфред. – Нам ох как нужны подвижники!

Глава 8

После того памятного посещения императорского дворца Тангейзер постоянно вспоминал его сладостный гарем с чарующими женщинами, созданными для утех и наслаждений, и по возвращении все чаще пытался воскресить тот чувственный мир в звуках, извлекаемых струнами.

Не сказать, что получается хорошо, раньше в его песнях звучала родная и привычная чугунно-небесная германскость, сейчас же с трудом нащупывал прихотливую и быстро меняющуюся мелодию, которую в Германии назвали бы порочной, здесь же она больше выражала суть этой древней страны...

Пальцы его все еще как будто сами по себе начинали извлекать новые ноты, в песнях появился оттенок не столько чувственности, этого еще нет, но удивления перед огромностью мира, который сотворил Господь. Огромностью не расстояниями и множеством земель, а богатством чувств, идей и новых мыслей, что порождает это ощущение необъемности и величия творения.

Без сомнения, сарацины тоже появились на свете по замыслу Господнему, и хотя неисповедимы пути Господни, но человек должен стараться их понять, чтобы полнее выполнять его волю и следовать по его пути.

И вот он, слыша время от времени на улицах и базарах их приторную сладкую музыку, старается ухватить это важное, что можно взять оттуда и обогатить свои суровые песни Севера, в которых всегда слышен свист холодной вьюги, треск льда и звон холодного железа.

В тот день ему не удалось увидеть императора, зато насмотрелся на эмира Фахруддина ибн ас-Саиха, лучшего друга султана аль-Камиля, брата знаменитого на Западе Саладина, и его личного посланника.

Он играл перед ним свои новые песни, пока эмир отдыхал после трудных переговоров с императором, а сам жадно всматривался в этого грозного сарацина, который – подумать только! – знает и умеет больше его, благородного германского рыцаря, весьма уважаем не только султаном аль-Камилем, но и европейскими правителями, в то время как его, великого миннезингера... точно великого, пока знают только те, с кем он делит комнату.

Эмир немолод, очень немолод, но крепок и сухощав, зной вытопил весь жир, оставив прокаленное тело из сухожилий и тугого мяса. Он достаточно широк в плечах, в то же время не раздался в поясе, хотя за столом ест все с удовольствием, смуглое с красноватым оттенком лицо раскраснелось еще больше, но Тангейзер то и дело заглядывал с некоторой робостью в глаза сарацинского властелина: ярко-синие, непривычные для этих мест, хотя потом фрайхерр Манфред сказал тихонько, что голубоглазые иногда встречаются как среди сарацин, так и среди иудеев.

Борода эмира такой длины, чтобы только-только считаться бородой, словно он подстригает ее ножницами каждый день, среди сарацин слово «безбородый» или «плешивый» почему-то считается ругательным.

Он спел им несколько песен, в которые сумел вложить восточный колорит и чувственность, сам эмир и его ближайшие сарацины были довольны, подарили золотой пояс, роскошный халат, а эмир пожаловал кольцо со своего пальца и сказал ласково, что с такими песнями он желанный гость в любом уголке исламского мира.

А в лагерь крестоносцев все прибывали обозы, шли неторопливые приготовления к маршу в глубь Святой земли. Тангейзер, как обычно, вернулся под утро, но на этот раз едва успел смежить веки, как грубая рука потрясла за плечо.

– А ну вставай, поэт!

Тангейзер вяло пробурчал, не открывая глаз:

– Отстань...

– Труба поет!

– Какая труба...

– Музья, – объяснил некто голосом Вальтера. – Муза дудит громко и призывно!

– Музы не трубят, – прошептал Тангейзер и попытался снова провалиться в сладостный сон.

– А что?

– Они на арфах...

Вальтер сказал над головой:

– Ну ладно, только потом не говори, что тебя не звали, не будили!

– А что стряслось? – проворчал Тангейзер, уже начиная видеть сны.

– Прибывают храмовники и госпитальеры! Ты же говорил, что хотел бы на них поглядеть?

Тангейзер простонал:

– Палач... Конечно же, мне интересно...

– Тогда вставай, – предложил Вальтер. – Они уже на горизонте.

Издали донесся голос Константина:

– Ты прав, это зрелище...

Тангейзер с трудом поднялся, кое-как оделся с помощью верного Райнмара и вышел, закрываясь обеими руками от слепящего солнца, что бьет в глаза отовсюду: из-под ног, с неба, со всех сторон.

Далеко на севере поднимается желтая пыль, но уже видны всадники передового отряда. Все в одинаковых черных шерстяных плащах с нашитым на левом плече белым крестом святого Иоанна, его ношение обязательно для всех иоаннитов-госпитальеров, а под ними у всех сверкающие латы, рыцари ордена всегда вооружены лучше всех, их богатство позволяет даже простым воинам носить добротные доспехи.

Тангейзер помнил, что иоаннитам в одежде нельзя использовать цветастые ткани, бархат и кожу диких животных, однако все равно они выглядят нарядно, хотя в одежде и заметна строгость монашеского ордена.

По другой дороге, параллельной, движется другая колонна тяжеловооруженных рыцарей, вся расцвечена белыми плащами с нашитыми огромными красными крестами, отличительный знак храмовников, или тамплиеров.

Обе колонны настолько разные по виду, что и предположить трудно, что совсем недавно это был один орден, тамплиеры отделились от госпитальеров и основали собственный лишь потому, что хотели усилить воинствующее начало в Уставе.

Вальтер пробормотал:

– Не представляю, как будем сотрудничать... если им предписано игнорировать нас, не замечать вовсе...

Тангейзер смолчал в затруднении. Глупость ситуации, которую все понимали, в том, что император не смог возглавить шестой крестовый поход по объективным причинам, и гнев папы был не совсем праведным. В сентябре прошлого года в поход выступили сорок тысяч воинов, но все они высадились на берег в непригодном месте в окрестностях Бриндизи. Снабжение такой огромной массы крестоносцев организовать не успели, многим негде было укрыться под палящими лучами солнца, и сперва начались болезни, затем вспыхнула эпидемия. Крестоносцы стали умирать тысячами, многие от страха возвращались назад.

Император прибыл с лучшим другом, ландграфом Тюрингии Людвигом, тот заболел еще на корабле, а когда высадились в месте, где бушевала эпидемия, ландграф умер, горячо оплакиваемый Фридрихом.

Он тоже заболел и вынужденно вернулся, но озлобленный папа не поверил в болезнь и отлучил его от церкви за неисполнение обета. Оскорбленный император пытался оправдаться, но папа ничего не хотел слушать.

Узнав о возвращении императора в Италию и о его отлучении, практически все крестоносцы вернулись в Европу. В Сирии остались только восемьдесят немецких рыцарей под командованием герцога Лимбурга.

Фридрих, еще некоторое время задержанный неожиданной кончиной своей супруги Иоланты, закончил приготовления к походу и отплыл из Бриндизи меньше чем год спустя во главе незначительной армии, но папа уже закусил удила и, когда узнал, что Фридрих отправился в поход, издал эдикт, запрещающий всем крестоносцам присоединяться к попавшему в немилость императору.

Ситуация получалась самая нелепая: впервые крестовый поход возглавляет человек, отлученный от церкви! Госпитальеры и тамплиеры, узнав об отлучении, моментально захлопнули перед ним ворота своих крепостей и отказали в помощи, тогда Фридрих заявил, что завоюет Палестину и без них и освободит Иерусалим.

Зная его как человека, способного выполнять задуманное, тамплиеры первыми забеспокоились, однако к ним прибыли письма папы, категорически запрещающие помогать и тем более присоединяться к человеку, который едет в Святую землю не как освободитель, а как пират, и извещающие, что он, папа, только что отлучил германского императора от церкви во второй раз.

Тамплиеры, как и любые военно-монашеские ордена, подчинены папе напрямую, ослушаться не смеют, однако если Фридрих сумеет захватить какие-то земли, то они обязательно должны получить свою долю...

Тангейзер проследил, как оба отряда проехали мимо в направлении лагеря императора, оглянувшись на Вальтера.

– Что-то маловато.

– Это верхушка, – сказал Вальтер. – Торговаться прибыли.

– Торговаться?

– На переговоры, – объяснил Вальтер. – Император уговаривает выступить вместе, но тамплиеры и все рыцарские ордена подчинены папе напрямую! Это все-таки монашеские ордена...

– Тогда ничего не получится, – сказал Константин.

– Папа им выступить не даст, – согласился Вальтер.

Но в лагере то и дело звучали боевые трубы, кое-где начали сворачивать палатки, забрасывать землей костры, а воины заново осматривали оружие, готовые по команде встать в строй.

Промчались легкие конники, Тангейзер с его чуткими ушами музыканта услышал, что дорога впереди свободна, разъезды уже разосланы, как и велено, во все стороны. Если где что непредвиденное, моментально будет доложено, у разведчиков те же арабские кони, если не лучше.

Верный Райнмар уже оседлал коня и молча придерживал стремя для хозяина. Тангейзер с великой охотой поднялся в седло, ибо впереди бои, подвиги, отважные приключения, будет возможность сразиться с противником в лютом бою.

Подъехал Карл, как всегда мрачный и угрюмый, но даже он с удовольствием поглядывал вперед, где за песчаными барханами угадывается зеленый оазис.

– Бросок на юг, – прогудел он, – хорошо...

– А что там? – спросил Тангейзер.

– Иерусалим, – ответил Карл покровительственно. – Ну, не сразу, конечно... Еще много всяких городов захватить, но доберемся, доберемся.

Вальтер подсказал:

– Первый будет Арзуф.

– Крепость?

– Да, но такая, что палкой можно разбить ее стены. А вот дальше пойдут потруднее.

Что за Арзуф, Тангейзер узнать не успел, примчался взволнованный конник в цветах императорского слуги, закричал с седла:

– Фрайхерр Тангейзер! Срочно к императору!

Тангейзер повернул коня, кровь бросилась в голову.

– Да-да, конечно... А для чего?

– Сладкоголосый ты наш, – ответил Вальтер завистливо-загадочно. – Давай побыстрее!

Не отставай.

– Потом расскажешь, – бросил Константин.

Тангейзер пришпорил коня, они пронеслись мимо костров, где многие уже на ногах, оглядываются в ожидании приказов. Кое-кто садится снова, остальные всем своим видом выказывают готовность ринуться в бой.

У дворца императора полно охраны, подъезжают то и дело всадники, у них принимают коней и уводят бегом, освобождая место.

Гонец повел Тангейзера прямо ко входу, там сделали движение остановить их, но гонец сказал коротко:

– Приказ императора.

Стражи расступились, Тангейзер вошел и ощутил себя под прицелом десятка пар глаз. Манфред сразу указал ему жестом, чтобы сел там, где стоит, и не маячил, привлекая внимание, не того ранга цаца, а император быстро зыркнул в его сторону и сказал нейтрально-доброжелательно:

– Садитесь, дорогой друг. Слушайте. Если будет что сказать, говорите. Здесь переговоры, любое уместное мнение будет кстати.

Юный паж, одетый в красное с золотом, разносил на золотом подносе чаши с вином, а Тангейзер подумал невольно, что будь поднос в самом деле из золота, мальчишка его не поднял бы вовсе.

Кроме императора и троих его ближайших полководцев, с ним сел еще и Манфред, напротив – четверо рыцарей, строгих и напряженных, в плащах поверх доспехов. Двое в черных, двое в белых, хотя красные кресты у всех четверых одинаковые, что значит двое от ордена госпитальеров, двое от тамплиеров.

– ...если мы не достигнем соглашения, – продолжал император, – то нам грозит поражение. Противник разобьет нас поодиночке, как было с Ричардом Львиное Сердце и прочими государями, когда они ссорились и даже мешали один другому!..

Рыцарь от тамплиеров ответил вежливо, но твердо:

– Ваше Императорское Величество, мы прекрасно осведомлены, что бывает, когда нет твердой дисциплины. Смею вас уверить, в рыцарских орденах дисциплина всегда железная.

Император сказал деловито:

– Рад это слышать. Тем более вы должны признать, что я, как император, и инициатор похода...

Беспокойно задвигался один из госпитальеров, кашлянул и сказал вежливо:

– Простите, что прерываю, я просто хочу уточнить, что инициатором похода был все-таки папа Григорий Девятый.

Фридрих поморщился.

– Ну да, ну да, однако войско собрал, переправил через море и дальше веду я. Потому я и должен отдавать приказы. Не говоря уже о том, что я выше всех по титулу.

Госпитальер смолчал, но по лицу видно, что не подчинится приказам императора. Второй рыцарь всем видом выказывал, что и он не примет приказов от человека, отлученного от церкви.

Тамплиер взглянул на товарища, тот не только молчал, даже не шелохнулся.

– Ваше Величество, – сказал он, – нам нужно выработать какое-то решение, чтобы мы могли воевать достаточно согласованно...

– Но порознь? – спросил Фридрих.

– Да, Ваше Величество.

– Но вы понимаете, чем это чревато?

Тамплиер ответил невесело:

– Думаю, все мы понимаем.

Фридрих сказал со злостью:

– Великие битвы проигрывались из-за куда более мелких несогласований!.. Великие армии были разбиты, если военачальники недопонимали маневров друг друга!.. А здесь мы должны действовать изначально порознь?

Тамплиер ответил глухо:

– Порознь... и в то же время вместе.

– Как?

Тамплиер развел руками:

– Не знаю.

Тангейзер слушал-слушал, сердце начало колотиться чаще, во рту стало сухо, он поднялся и проговорил хриплым голосом:

– Позволено ли мне будет спросить?

Глава 9

На него посмотрели с хмурым интересом, но больше с неудовольствием, чем с желанием что-то услышать.

Тангейзер заговорил быстро, чувствуя себя неловко от того, что занимает время таких видных и занятых лордов:

– Мы все пришли сюда не сами по себе... а по зову Господа нашего!.. Он призвал нас всех... кого через папу Григория, кого через его короля, к кому-то обратился напрямую к его благородному сердцу... Потому мы и должны выполнять волю Господа, а не кого-то из простых людей...

Император поморщился.

– А если короче?

Тангейзера осыпало жаром, он сказал со стыдом:

– Простите, моя вина в цветистости речи... Я хочу сказать, что если приказы будут отдаваться самим Господом, то их выполнят и рыцари орденов, и его императорское величество Фридрих. Вот и все...

Они переглянулись, на лицах недоумение, император нахмурился сильнее, покраснел в досаде, явно хотел сказать что-то резкое, но вдруг остановился, задумался, затем метнул острый взгляд на замершего, как испуганная мышь, Тангейзера.

– А это мысль, – проговорил он уже с подъемом. – Вы, доблестный Грюнвальд, и вы, благороднейший Иероним, не получите ни одного приказа от меня! Но если приказы будут отдаваться именем Господа?

Рыцари ордена молчали, переглядывались, Тангейзер стискивал кулаки и молился, чтобы его предложение приняли, тогда император заметит его, может быть, даже наградит и приблизит к себе.

Молчание длилось, длилось, наконец старший из тамплиеров сказал тяжелым голосом:

– Жаль, что нет другого варианта... но, за неимением более земного решения... мы согласны. Однако...

Император насторожился.

– Что еще?

Тамплиер сказал четко:

– Вы не поведете крестоносное войско. Командование должно перейти в другие руки.

Император запротестовал:

– Я не могу передать вам управление армией!

Тамплиер покачал головой.

– Нам это и не нужно. Передайте кому-то из своих, кого не коснулся вердикт папы об отлучении.

Император застыл только на миг, затем лучезарно улыбнулся.

– Согласен. Прекрасно, я иду и на эту уступку... Надеюсь, вы останетесь на дружеский пир?

Оба тамплиера разом поднялись, а госпитальеры встали позже на секунду.

– Спасибо, – сказал тамплиер с холодком, – но нас ждут.

Госпитальеры тоже поклонились с видом крайней неприязни к человеку, которого отлучил от церкви папа.

– Нас тоже. Извините, мы спешим.

Они вышли с торопливостью, словно каждая лишняя минута пребывания в обществе отлученного от церкви императора пачкает их души и приближает к геенне огненной, где уготовано место всем отлученным.

Когда они вышли и двери за ними закрылись, император проговорил задумчиво:
– Армию я, конечно, передам... гм... пусть во главе едет герцог Гардингер. Он достаточно представлен, выглядит важным и достойным. Это хорошо...

Манфред сказал с ухмылкой:

– А если и подстрелят, то не вас, Ваше Величество!

Император захохотал.

– Все верно, дорогой друг, все верно... Так, значит, вы делите палатку с этим рыцарем, что подсказал такое изящное решение?

Тангейзер поклонился как можно более учтиво, а Манфред сказал добродушным тоном:

– Раньше делил, но сейчас он с другими доблестными рыцарями охраняет город.

– Отлично, отлично...

– Ваше Величество, – напомнил Манфред, – а еще он прекрасный поэт и певец. Лучший миннезингер Тюрингии!.. Во всяком случае, я его таким считаю.

Император сказал с легкой усмешкой:

– Я вполне доверяю вашему мнению, дорогой друг, хотя вам медведь не только на ухо наступил, но и по второму тоже потоптался... ха-ха!.. Но я ваш намек понял, мы слушаем новые песни вашего друга на пиру... Вы не против, доблестный друг?

– Тангейзер, – ответил Тангейзер торопливо. – Генрих фон Офтердинген.

– Я помню, – ответил император добродушно. – Добро пожаловать на пир, доблестный Тангейзер.

– Ваше Величество, – вскрикнул ошарашенный Тангейзер, – я безумно благодарен вам за доставленное счастье!

Император усмехнулся.

– Пир еще впереди.

– Я уже за столом, – сказал Тангейзер. – И уже пирую!

Манфред сказал с непонятым выражением:

– Поэты, Ваше Величество, склонны к иносказаниям. Даже я не всегда улавливаю, что он имел в виду.

Император обронил с добродушной усмешкой:

– Я улавливаю.

– Потому что вы тоже поэт, – сказал Тангейзер.

– Ну-ну, – сказал император поощрительно.

– Приятно удивило, – сказал Тангейзер, – странное для германца сочетание чувственности с темой долга и верности слову! И вам это, как ни странно, удалось.

– Я сам странный германец, – ответил император, – родился и жил в чувственном южном Палермо, где полно иудеев и сарацин с их образом жизни и культом наслаждений плоти... А долг и верность слову – это от сути германской нации. В общем, встретимся на пиру!

Манфред взял Тангейзера крепко за локоть, вывел и прошептал:

– Императору не докучай.

– Да я разве...

Манфред стиснул локоть и сказал еще тише:

– Императору ничего не нужно объяснять долго. Он все хватает на лету, а долгие разговоры, когда уже все понятно и все сказано, его раздражают.

Тангейзер пробормотал:

– Именно потому он так много и успевает... Подумать только, знать столько языков!.. Читает старые рукописи диких иудеев и сарацин, у них же вообще даже букв нет!

Манфред усмехнулся, сказал уже громче:

– Иди, приготовься. За тобой придут.

Пир закатили настолько шикарный, что уже по нему чувствовалось: все это остается, а они прямо из-за столов поднимутся в седла и выступят в трудный поход.

Тангейзер чувствовал грозную музыку, разлитую под сводами зала, и хотя ее слышит только он один... а может, и не только он, она не становится тише.

Манфред усадил его рядом с собой, что Тангейзеру льстило, но одновременно он чувствовал себя возле старого рыцаря некой птичкой Божьей, что чирикает себе беспечно да зернышки клюет на дороге, ну, понятно, что там за зернышки, а вот Манфред знает о мире чудовищно много, словно смотрит на него сверху, аки орел поднебесный.

Возможно, таким и должен быть советник могущественного императора Священной Римской империи германской нации, как полностью звучит титул Фридриха, видеть не бескрайние просторы неведомых земель, от которых замирает дух, а проплывающую далеко внизу карту с четко очерченными границами королевств, графств, а также чужих империй.

Император и эмир Фахруддин ибн ас-Саих сидят за одним столом и живо разговаривают, как старые друзья, шутят, смеются и ведут себя так, словно они и росли вместе.

Тангейзер жадно присматривался к ним, а когда увидел, как молчаливые слуги подливают им в чаши красноватый напиток, с некоторым смятением поинтересовался у Манфреда:

– Они что... пьют?

Манфред сдвинул плечами.

– А тебе что?

– Да так... эмиру же нельзя?

Манфред буркнул:

– Почему? Здоровье ему позволяет. Кроме того, может быть, они оба пьют шербет!

– Не похоже, – шепнул Тангейзер. – Я слышу запах вина...

– Дьявол побери твой чуткий нос, – сказал Манфред беззлобно. – Да хотя бы и так, тебе что?

– Не ругайтесь, – попросил Тангейзер смиренно. – Я думал, в исламе с этим очень строго...

– Правильно думал, – ответил Манфред. – А ты не заметил, что здесь мы сами пьем меньше, чтобы не становиться посмешищем для местного населения? Все-таки пьяный... гм... отвратительное зрелище!

– Тем более, – сказал Тангейзер. – Но мне показалось, что эмир пьет тоже.

– Показалось правильно, – ответил Манфред смешливо.

– Но как же запрет...

– Бывают исключения, – успокоил Манфред. – Он же не среди своих, а у франков! Коран предписывает вести себя уважительно в чужих землях. Вот он и ведет...

– Распивая запретное вино?

Манфред хмыкнул.

– Алкоголь, как и алгебра, – арабские слова. До появления Мухаммада арабы были самым пьющим народом на земле! Пророк ужаснулся и все изменил... Впрочем, Омар Хайям, пусть Аллах будет к нему благосклонен, все-таки пил и не скрывал своей страсти. Так что эмиру тоже можно, если у нас в гостях. Таким образом как бы выказывает уважение хозяевам.

К ним прислушался граф Норманн, сказал негромко:

– Он пьет только красное вино. Понемногу. А не как свинья или как мы обычно.

– Если бы арабы пили только вино, – обронил Манфред, – то, возможно, пророк бы и слова не сказал. Но их ученые придумали, как перегонять всякие сладкие фрукты, что падают с деревьев и пропадают зря, получилось особо крепкое вино, его и называли алкоголем. При здешней жаре одна чаша валит с ног любого здоровяка!.. Пророк увидел валяющихся на улице в собственной блевотине достойных людей, которым свиньи обгрызают уши, и запретил как пить подобное, так и есть свиной.

Граф покачал головой.

– Я слышал об этом. Он не сразу запретил... Сперва просто требовал пить умеренно. Но человек не знает меры, особенно пьяный...

– К тому же для одного и пять чаш – мало, – заметил Манфред, – а для другого и одной много. Потому пророк и сказал наконец, что он прекращает всякие споры о том, сколько можно, а сколько нельзя, и запрещает употреблять даже каплю!

Тангейзер сказал недовольно:

– Ну, это он перегнул... От капли пьяным не станешь и в грязь не упадешь.

– Да? – спросил Манфред. – А давай я тебе сейчас накапаю ведро вина! И посмотрим, каким ты будешь.

Они весело ржали, хлопали смущенного Тангейзера по спине и отпускали грубые шуточки.

Справа от них еще стол, там с одной стороны насыщаются ближайшие полководцы императора, а с другой – знатные сарацины, прибывшие с эмиром, как слышал Тангейзер, все они выше его по титулу...

Те и другие обращались друг к другу предельно вежливо, но в то же время выражали готовность помериться силами как в конном бою, так и в пешем, выбор оружия оставляют за гостями. Сарацины вежливо благодарили и обещали обязательно воспользоваться случаем, так как непременно одолеют таких достойных противников и заберут у них коней, доспехи, оружие и всю одежду.

Тангейзеру показалось, что некоторые из военачальников все же не совсем довольны переговорами с эмиром, слишком много свершается без сражений, крови, трупов, подвигов, карабканья на стены или пробивания их таранами, когда врываешься через пролом в боевой ярости, на тебя сыплются удары, а ты сам сеешь смерть всему, что на пути...

Манфред задумчиво смотрел, как в его пальцах медленно поворачивается серебряная чаша, еще наполовину полная, показывая красивую чеканку по всей поверхности и мелкие рубины по ободку.

– Не совсем так, – услышал Тангейзер его голос, когда Манфред чуть наклонился в сторону графа Норманна. – Это нам кажется, что вот в Европе слышали, как сарацины захватили Иерусалим, папа римский в великом возмущении призвал всех наших королей вернуть Святой Город христианам...

Норманн проворчал:

– А разве не так?

– Так, – согласился Манфред, – но и не так.

– Не понял...

– Так, – объяснил Манфред обстоятельно, – как часть картинки, которую мы видим. И не так, если смотреть на всю картину целиком.

Глава 10

Норманн промолчал, только сделал громадный глоток, поставил опустевший кубок и поискал взглядом кувшин, зато Тангейзер заинтересованно посмотрел на старого рыцаря.

– А что видно, если... сверху?

– Арабы жили мирно крохотным племенем, – ответил Манфред, – в дальнем уголке своего полуострова, пока не появился этот гениальный человек по имени Мухаммад и не принес им ислам, который он сам продумал во всех деталях. С ним те же гонения, что и с Иисусом, пришлось убегать и скрываться, но он выжил, обрел сторонников, а с ними начался победный натиск ислама. Был захвачен весь полуостров, затем Сирия, Палестина, Персия, Армения, Египет...

Норманн пробурчал:

– Как?

Манфред ответил с улыбкой:

– Люди великой цели всегда сильнее... В Египет вторглась четырехтысячная армия и покорила государство с девятиmillionным населением!.. Но это не так важно, как то, что египтянам навязали ислам и арабский язык... и теперь нет больше в Египте египтян, а только арабы!.. Затем мусульмане двинулись в Африку, где взяли Карфаген и окончательно разделились с Римской империей, на западе форсировали Гибралтар и захватили Испанию, на востоке достигли границ Индии, затем захватили весь юг Франции до берегов Луары, где армия мусульман во главе с Абд-аль-Рахманом стояла чуть ли не у ворот Парижа! Однако на пути в Пуатье они встретились с германским войском франков, которые в отличие от всех других армий христианских государств, как свидетельствует в своей «Хронике» Исидор Севильский, «стояли как стена... словно непробиваемая глыба льда». Через неделю Рахмана уже не было в живых, мавры откатывались на юг, а предводитель франков Карл с того дня стал именоваться «Карл Мартелл» – «молот».

– Великий воин, – сказал с уважением Норманн, – настоящий германец!

– Когда женюсь, – пообещал Тангейзер, – назову своих сыновей Карлами.

– Что, – спросил с недоверием Норманн, – всех?

– А почему нет? – возразил Тангейзер. – Он же спас всех нас! Если бы арабы победили, что им помешало бы пойти дальше – на Париж, к Рейну и еще дальше?

Манфред кивнул, сказал размеренно:

– Тангейзер хоть и поэт, у которого ветер в голове, но случайно сказал очень верную вещь. Мы принимаем мир таким, и нам кажется, что только таким он и должен быть. Но если бы войско франков не выстояло, сейчас в Берлине и по всей Германии занимались бы толкованием Корана, зеленое знамя пророка развевалось бы над замками в Англии...

– А в Англии почему?

Манфред улыбнулся.

– Потому что Вильгельм Завоеватель, высадившийся в Англии, был бы уже мусульманином. Словом, христианской Европы не было бы и в помине. Да и остальной мир стал бы мусульманским. Здесь или на дальних островах... Но та победа германцев остановила вторжение сарацин в Европе, а теперь Европа начинает натиск на Восток, стремясь отвоевать издавна христианские святыни.

Норманн оживился.

– Да-да, это уже шестой крестовый поход?

Манфред покачал головой.

– Крестовые походы – мелочь на общем фоне столкновения с исламским миром. Я говорю вообще о натиске, о возвращении захваченных арабами земель, что называется Рекон-

кистой. Начали ее не крестовыми походами, а постепенным отвоеванием у арабов захваченных ими европейских земель!

Тангейзер сказал гордо, демонстрируя обширные знания:

– Да-да, Испания!

– Верно, – сказал Манфред, – Альфонс VI, король Леона и Кастилии, захватил Толедо, и граница с мусульманским миром переместилась от реки Дуэро до реки Тахо. Затем кастильский национальный герой Родриго Диас де Бивар, известный под именем Сид, вошел в Валенсию. Конечно, там бывало, как и здесь у нас, что христиане объединялись с мусульманскими правителями или, считая их более достойными, защищали их от крестоносцев. Сид служил таким мусульманским правителям, как эмир Сарагосы аль-Моктадир, и властителям христианских государств, а править Валенсией стал с согласия как мусульманских властей, так и христианских.

Он взглянул на раскрасневшееся лицо Тангейзера, тот перехватил его взгляд и сказал с жаром:

– Я читал «Песнь о моем Сиде»!.. Господи, как написано!.. Я проливал слезы то счастья, то отчаяния над каждой страницей!.. Как написано, как написано... Только испанцы и могут с такой страстью. Наш мрачный германский гений способен на величайшие свершения, но чтоб такой огонь в крови и в каждом слове...

Норманн пробормотал добродушно:

– Ты сможешь, в тебе столько огня! И так боюсь сидеть с тобой рядом, у меня новый камзол...

– В «Песне о моем Сиде», – сказал Тангейзер, – Сид хотя часто и сражается с мусульманами, но злодеи там вовсе не они, а христианские князья Карриона, придворные Альфонса VI! А вот мусульманский друг и союзник Сиды, Абенгальвон, превосходит их благородством, отвагой и верностью дружбе.

– Все как у нас, – сказал Манфред с непонятным оттенком в голосе. – Эмир Фахруддин – лучший наш друг...

Норманн вставил быстро:

– А султана аль-Камиля чтим и уважаем за его рыцарские качества, за верность слову, щедрость и справедливость!

Манфред наклонил голову.

– Верно сказано, мой дорогой друг. Зато папа римский, который должен бы нас поддерживать всеми силами... как раз всеми силами вредит нам, и даже отлучил императора от церкви!

– А наш крестовый поход, – громыхнул Норманн, – объявил несуществующим и противоречащим церкви! Не знаю, но я бы такому папе на одну ногу наступил, а за другую как следует дернул, ха-ха!

– А я бы за ноги и о стену, – сказал Манфред. – Ненавижу... Я за императора кого угодно задавить готов.

Тангейзер помалкивал, наполнил свою чашу и отпивал в задумчивости мелкими глотками, лицо оставалось озабоченным. Глядя на него, помрачнел и Норманн.

– Главная трудность, – громыхнул он, – даже не в силе арабов.

– А в чем? – спросил Тангейзер.

Норманн вздохнул.

– Вон тебе и Манфред скажет то же самое: если бы они притесняли на захваченных землях христиан, иудеев или кого бы то ни было! Как было бы проще... Ты вот, наш юный и голосистый друг, сам только что подтвердил, что даже доблестнейший рыцарь Сид, благороднейший и не знающий упрека, не раз становился на сторону арабов, когда видел, что правы они, а не христианские короли!

Тангейзер сказал быстро, стремясь показать свое понимание ситуации:

– Вы абсолютно правы, благородный граф, трудность в том, что сарацины не притесняют христиан и иудеев, так что те не собираются восставать против захватчиков.

– И даже нам не помогают, – сказал Норманн горько.

– Хоть не вредят, – буркнул Манфред.

– Тогда какие мы освободители? – возразил Тангейзер.

– А мы разве освободители? – спросил Манфред в удивлении. – Мы вроде бы явились вернуть Иерусалим под руку всемогущей церкви. Но если сделаем это так... гм... как пытаются договориться наш император и султан аль-Камиль, но церковь, наверное, потребует, чтобы отдали сарацинам снова, а потом забрали по всем правилам.

– Это как?

– Ну, чтоб убитых с обеих сторон тысячи, чтобы трупы горой, реки крови, а раненые калеками и увечными разошлись по Европе и арабским землям, стеная, жалуясь и призывая к кровавому отмщению.

Он сказал с такой злостью, что никто не возразил, пили молча и хмуро, поглядывая на стол, где император и эмир разговаривают уже с очень строгими и серьезными лицами.

Потом эмир и сарацины покинули пир, однако император сразу сказал успокаивающе, что они удалились не по ссоре, а обсудят наедине одно очень интересное предложение, которое сделал император.

– А мы пока продолжим, – сказал он жизнерадостно. – Мои доблестные полководцы простят меня, если я приглашу на опустевшие места не их, прославленных в битвах, а молодого поэта, умеющего взвеселять сердца?

Манфред взглянул на Тангейзера с невольной завистью. Всем природа одарила этого красавца: ростом, силой, отвагой и мужеством, он неистов в бою и всегда выходит победителем, в то же время умеет слагать с удивительной легкостью прекрасные песни, что с первой же ноты берут за душу, исторгая из нее то радость, то слезы, заставляют сердце биться чаще, когда в воображении уже мчишься в грохоте копыт с поднятым мечом на врага... или замираешь в сладкой неге, видя, как к тебе приближается любимая...

Его любили император Священной Римской империи германской нации Оттон II Светлейший со своими полководцами, князья и курфюрсты германских земель, а теперь вот благоволит яростно воевавший с Оттоном и победивший Фридрих II...

– ...и мой старый друг, – закончил император, – мой дорогой барон Манфред, который уже трижды отказался от титула графа и пожалованных земель, только потому, чтобы никто не смог упрекнуть, будто использовал дружбу со мной в корыстных целях...

Манфреду крикнули за столами «ура», Тангейзер понял, что старого фрайхерра чтут и уважают, в то время как на него никто не обратил даже малейшего внимания.

Император подал слугам знак, чтобы убрали старые кубки и принесли для гостей новые чаши, сам повел рукой, указывая на свободные сиденья:

– Садитесь, дорогие друзья.

Манфред предупредил неуклюже:

– Ваше Величество, только после таких ученых мужей мы с Тангейзером можем показаться... скучными.

Император проговорил с невеселой улыбкой:

– Экклезиаст говорит, что во многих знаниях много горя... Все верно, из беседы с учеными мужами я всякий раз делаю вывод, что счастье нам не дано, а вот когда говорю с садовником, убеждаюсь в обратном.

Манфред поинтересовался, опускаясь на место:

– А с поэтами?

Император мечтательно улыбнулся.

– О, с поэтами... Побольше бы их в мир, как бы все засияло радостью!

Слуги быстро сменили всю посуду, принесли новые яства, перед Тангейзером появилась серебряная чаша с густым красным вином.

– А мы все поэты, – сказал Манфред гордо. – Потому Священная Римская империя германской нации хоть и правит миром, но не навязывает свои нормы!

Тангейзер взглянул на улыбающегося императора, поклонился.

– Я тоже с удивлением в этом убедился, Ваше Величество. Только церкви позволено распространять и навязывать свои взгляды и вкусы, но не нам, светским людям.

Император кивнул, соглашаясь, но обронил настолько небрежно и как бы вскользь, что чуткие уши Тангейзера сразу уловили сигнал, дескать, это и есть самое важное:

– Мы здесь не навязываем даже свою веру, за то папа римский так и бесится там в Риме.

– А веру, – спросил Тангейзер осторожно, – навязывать надо?

– Вопрос сложный, – ответил император без улыбки. – Хотя вся Европа уверена, что не просто надо, а мы обязаны это делать!

– Европа не видит в своей норе то, – буркнул Манфред, – что видим мы. Потому пусть помалкивает.

– Как раз те, – ответил император невесело, – кто должен бы помалкивать по своей дурости, и кричат громче всех. И сейчас вся Европа уверена, что мы сражаемся с сарацинским миром. Они не представляют, насколько сильно ошибаются!

Тангейзер спросил настороженно:

– А в чем они ошибаются?

– Мир ислама, – пояснил Фридрих, – потрясают исполинские внутренние войны. Сунниты бьются с шиитами яростнее, чем мы с ними, брат там идет на брата, султаны огромных королевств сражаются за власть над халифатом...

Тангейзер пробормотал:

– Но я слышал, что Саладин объединил ряд племен... и потому сумел дать отпор Ричарду Львиное Сердце...

Фридрих отмахнулся.

– Вот именно, племен. Пограничных. На землях, на которые и был нацелен удар крестовых войск. А так вообще-то исламский мир даже не заметил столь грандиозных, по нашему мнению, крестовых походов на их земли.

– Это... как?

– А так, – ответил он хладнокровно. – Крестоносцы все эти пять великих походов нападали на пограничные племена мусульман, а те достаточно легко отбились. Гораздо опаснее для них натиск монголов, вот те действительно серьезный противник, о котором они говорят и пишут в летописях!.. А о нас пока ни слова.

Тангейзер сказал гордо:

– Уверен, наш государь сумеет нанести исламскому миру удар такой силы, что его заметят, еще как заметят!

Манфред кивнул.

– Я тоже надеюсь. Это и наша слава, не так ли?

Слуги следили за каждым их движением и постоянно подливали вино в чаши. Тангейзер спросил очень осторожно:

– Однако разве Саладин... был не султан?

Император отпил из кубка, посмаковал, затем повернул к нему голову.

– Да. И что?

– Разве, – спросил Тангейзер, – не султан самый высший?

Император ответил со снисходительным дружелюбием:

– Вы можете считать так, если это льстит вашему самолюбию. Все-таки неприятно было бы осознать, что все крестоносное войско, возглавляемое двумя-тремя, а иногда и больше, королями Европы, терпело поражение от какого-то местного герцога?.. А то и графа?

Тангейзер воскликнул, не выдержав:

– Но Саладин разве был граф?

– Почти, – ответил император. – Султанов у сарацин там масса. А главный в исламском мире – халиф. Это он, а не султан, всемогущий и единственный. Думаю, ему даже не докладывали о такой мелочи, как крестовые походы каких-то там франков.

Тангейзер слушал, глубоко уязвленный и разочарованный. В сердце начала вскипать ярость и страстное желание доказать, что они сильнее, отважнее, что Европа во всем лучше и потому легко сомнет и султанов и самого халифа...

Император поглядывал на него снисходительно, как на ребенка, чистого и доверчивого, еще не знающего, насколько мир огромен.

– Как новые песни? – спросил он.

– Складываются, – доложил Тангейзер.

– Тогда сейчас и послушаем, – обронил император.

Глава 11

Когда сильный просит, он все равно приказывает, потому Тангейзер моментально вылез из-за стола, взял лютню и с ходу запел, стараясь выказать себя в лучшем свете, для этого даже на ходу привносил в новые песни те мотивы, которые вычленил для себя в этом жарком чувственном мире.

Император и знатные рыцари слушали с удовольствием, Тангейзер хорош и как певец сам по себе, а еще и песни сумел составить так, что хватают за сердце.

Ему хлопали мощно, император поблагодарил и сказал, что хотя во время похода времени будет мало, но все равно он будет урывать время, чтобы послушать его пение.

Манфред вышел его проводить, Тангейзеру бегом привели коня, Манфред зевнул, покачал головой.

– Видать, старею, всего от пяти чаш вина в сон клонит... Спасибо, Тангейзер, ты всех порадовал! Жаль, что завтра-послезавтра в поход, будет не до песен... Ирония нашего времени в том, что самый просвещенный человек Европы, наш император, вынужден вести огромное войско далеко на Восток, чтобы там столкнуть его с другим таким же войском, после чего они будут долго и страшно убивать друг друга!

Тангейзер сказал с неудовольствием:

– Я знаю, король Фридрих обожает науку, занимается ею, он владеет греческим, латинским, французским, итальянским, немецким и арабским языками... как ты и говорил, видишь, у меня не такая уж и дырявая голова, но все равно, дорогой друг, в историю входят лишь те, кто с мечом в руке совершает великие завоевания!

Манфред кивнул.

– Неважно, какие, – согласился он. – Хотя вообще-то не знаю хороших... Наш государь покровительствует многим учебным заведениям, недавно он основал университет и сразу же получил от папы римского буллой по голове...

– За что?

– Фридрих разрешил преподавать там без всякого папского разрешения и контроля.

Тангейзер охнул:

– Правда? Такого в Европе еще не было.

– Более того, – сказал Манфред, понизив голос, – там начали преподавать не только философию Запада, но и Востока... да-да, иудейскую и мусульманскую...

Тангейзер раскрыл рот.

– Господи, – вырвалось у него, – даже не знаю...

– Чего?

– То ли радоваться, – признался Тангейзер, – что служим такому величайшему человеку, то ли поскорее бежать от него, чтобы вместе с ним не угодить в ад...

Манфред усмехнулся, а Тангейзер поднялся в седло и вскинул руку в прощании.

– Спасибо! Я ваш должник!

От дворца Фридриха до Яффы он ехал погруженный в радостно-тревожные думы, вспоминая застолье и не зная, куда в этой мозаике вставить цветные камешки с миром и его знатными беями, или как их там, которые бароны и графы, и не сразу заметил, как на гребне холма неподалеку показались сарацины.

Сперва трое, потом к ним примчался еще один, на такой же легкой тонконогой лошади, очень живой и резвой. Что-то рассказывал, размахивая руками, а лошадь все мотала головой и норовила пуститься вскачь.

У всех в руках длинные тонкие пики с крохотными флажками сразу под наконечниками, все четверо пугающе остро вырисовываются на синем небе, и Тангейзер на всякий случай снял притороченный к седлу шлем и нахлобучил на голову.

От сарацин донесся крик, Тангейзеру даже послышалось «Франк!» и «Это он!».

Он развернул коня и пустил его в галоп, тяжелый рыцарский конь разгоняется медленно, но затем не уступит легкой арабской, но арабская может так мчаться часами, а его конь захрипит и начнет замедлять бег уже через четверть мили.

За спиной дикий крик, свист и топот копыт чужих коней становились все громче и все ближе.

Он услышал толчок в спину и злобный звон, с которым стрела ударила в щит, закрывающий спину. Затем еще одна вонзилась в седло, а третья щелкнула в бедро, закованное в стальные кольца.

Не поворачивая головы, он чувствовал, как его настигают справа, вытащил из ножен меч и скакал так почти с минуту, затем резко ударил, не глядя, ощутил сильный толчок, пригнулся, над головой просвистело лезвие стальной кривой сабли, тут же натянул повод и ударил уже влево, снова больше ориентируясь на стук копыт.

Если бы он оглянулся, сарацин успел бы что-то сделать, а так лезвие чиркнуло ему по лицу, и он с криком выронил саблю, вскинул руки, зажимая рану, и свалился в песок.

Тангейзер развернул коня, молниеносно перехватил из-за спины щит и едва успел подставить его под удар сабли, но его меч сразу же достал противника в плечо, разрубив почти до середины грудной клетки.

Четвертый из сарацин взглянул безумными глазами, заверещал, как заяц, торопливо повернул коня и понесся прочь, настегивая его справа и слева.

Тангейзер, не выпуская меч из руки, объехал сбитых с коней, все трое ранены так тяжело, что вряд ли выживут, он подъехал к первому, которого ударил, ориентируясь по топоту копыт и отбрасываемой тени.

Сарацин катается на земле, зажимая обеими руками живот, а оттуда из широкой раны лезут кишки.

– За что? – спросил Тангейзер, все еще шумно дыша. – Разве у нас не перемирие?

Сарацин простонал люто:

– Ты... подлый франк... обесчестил...

– Я? – крикнул Тангейзер. – Я никого...

Сарацин выдавил сквозь стиснутые челюсти:

– Айша... наша сестра...

Тангейзер вздрогнул, сказал виновато:

– Но... бесчестья не было! У нас любовь...

Сарацин прошептал, кривясь от боли:

– Это бесчестье... мы были должны... добей...

– Не могу, – ответил Тангейзер. – Ты не враг мне.

– Я умираю, – выговорил с трудом сарацин, – в муках... Ты же воин?

Тангейзер сказал тяжело:

– Я этого не хотел.

– Мы тоже, – ответил сарацин. – Но это наш долг.

Тангейзер сжал челюсти и опустил острие меча на левую сторону груди противника.

– Прости меня, – сказал он. – Я хотел бы стать твоим братом. Айша была бы мне женой...

Сарацин простонал:

– Все... должно было... быть не так... Давай же! Прекрати эту адскую боль...

Тангейзер задержал дыхание и с силой всадил клинок в грудь, острие отыскало сердце, Тангейзер чувствовал момент, когда сталь пронзила насквозь этот живой трепыхающийся

комок. Сарацин вздрогнул, ноги вытянулись, он затих, глядя вытаращенными от боли глазами в синее небо.

Тангейзер опустился рядом на колени и ладонью надвинул ему веки на глаза.

За спиной послышался топот, по стуку копыт он узнал не только рыцарских коней, но и понял, что скачут к нему его друзья, Константин, Вальтер и Карл.

Затем кто-то грузно соскочил на землю, и опять Тангейзер узнал Константина, только он так сопит и тяжело дышит, но не обернулся, не силах оторвать взгляд от неподвижного лица брата Айши.

– Трех? – раздался веселый голос Вальтера. – Да ты хорош, Тангейзер!.. Молод еще, но в тебе живет великий воин!

Тангейзер ответил глухо:

– А мы могли бы с ним подружиться...

Вальтер охнул:

– С сарацином? Ну, ты шутишь...

– Почему? – спросил Тангейзер. – Разве Господь не создал их, как и нас?..

За спиной Вальтера гулко и мощно расхохотался Карл, подошел тяжелыми шагами.

– Ошибаешься! Их создал этот... как его...

– Аллах, – подсказал Вальтер.

– Вот-вот, – сказал победно Карл, – Аллах!

Константин крикнул издали сердито:

– С ума сошли, богословы драные!.. Господь не создавал ни сарацин, ни франков, ни даже папу римского. Тоже мне умники. Тангейзер, с тобой, дружище, все в порядке? А то вид у тебя не совсем победный.

Тангейзер поднялся, со злостью выдернул меч из груди человека, который мог бы стать родней.

– Четвертый ушел, – сказал он мрачно.

Вальтер радостно охнул.

– Так ты дрался с четырьмя?

– Да.

– Ты настоящий боец, – сказал Вальтер с уважением.

Тангейзер отмахнулся.

– Танкред один дрался против ста тридцати сарацин и всех зарубил. А это...

Карл пробасил:

– Ну, с Танкредом пока никто не сравнится. Это лев пустыни!.. Но давайте вернемся в город. Кто знает, если они напали, то могут привести большой отряд.

Тангейзер пошел к коню, но на ходу покачал головой.

– Не приведут.

– Почему?

– Это было личное, – ответил Тангейзер лаконично.

Они все поднялись в седла, но переглядывались, наконец Константин спросил осторожно:

– Что личное может быть у христианского рыцаря, истинного крестоносца, с этими нехристями? Или ты собрался перейти в магометанскую веру?

Рыцари загоготали, Тангейзер нахмурился.

– Напротив, – сказал он, – я собирался выдернуть из нее и привести в христианскую одну невинную душу... А сейчас даже не знаю, что с нею. Может быть, ее вообще убили?.. Или увезли на другой конец их мира?

Рыцари медленно пустили коней в сторону воинского лагеря, на Тангейзера поглядывали с сочувствием, только Константин подъехал вплотную и весело хлопнул по железному плечу.

– Погрусти, погрусти... но не слишком, все-таки жизнь у нас впереди. Все будет, дорогой друг. И беды, и горести, и потери. Но и радости... возможно.

А Карл сказал глубокомысленно:

– У иудеев в их книгах сказано: берущий женщину в жены пусть проверит, кто ее братья.

– Она была не иудейка, – ответил Тангейзер.

– А-а-а-а, – протянул Карл еще глубокомысленнее, – ну тогда да, можно не проверять...

Вальтер, не удержавшись, хихикнул, но, когда Тангейзер оглянулся, успел принять скорбный и очень серьезный вид.

Ночью ему снилась Айша, он плакал и молил ее простить гибель ее братьев, а проснулся от рева труб по всему лагерю, что подняли от костров солдат, а теперь созывают последних из города.

Солнце только-только поднялось над далекими горами, а первая колонна уже двинулась по остывшей за ночь дороге.

Наемное сарацинское войско императора, прибывшее с ним из Палермо, теперь постоянно двигалось впереди, готовое как принять первыми бой, так и показать, что эти франки не те франки, а совсем другие франки, с этими можно не только дружить, но и хорошо дружить.

Манфред появился только однажды, он время от времени проезжал вдоль колонны, зорко и придирчиво оглядывая армию на марше, а когда поравнялся с Тангейзером, сказал ему значительно:

– Видишь долину?

– Да, – ответил Тангейзер настороженно.

– Это та самая, – сказал Манфред с почтением, – Саронская!

Он умчался дальше, а Тангейзер, хоть и всего второй раз услышал это название, все равно попытался смотреть на эту долину с восторгом, почтением, как того требовалось, но что-то не получалось, перед глазами все равно стоит гордая и прекрасная Айша, все еще загадочная и непостижимая.

За эту землю в течение многих тысяч лет сражались народы, овладевали ею, но приходили новые, неведомые, снова сражения, и снова захватчики становились хозяевами, но эпоха меняла эпоху, прежние народы рассыпались в пыль под натиском молодых и свирепых, пока наконец ее завоевали воины Иисуса Навина...

Но и его царство не продержалось вечно. Эта долина знала и разгромивших иудеев эллинов, и римлян, и многие другие народы, пока не пришли самые молодые и яростные воины ислама, что огнем и мечом покорили эти земли и объявили своими.

Он вздрогнул от удара по плечу, это огромный Карл, огромный, как башня из железа, поприветствовал его дружески и бесцеремонно.

– Ты чего такой печальный?.. Ах да, прости, дружище...

Тангейзер ответил тихо:

– Куда ни посмотрю, она перед глазами.

– Всякая любовь, – прогрохотал Карл сильным голосом, – счастливая, равно как и несчастная, настоящее бедствие, когда ей отдаешься весь.

– Да, теперь вижу...

– Лечит время, – ответил Карл. – Оно, проклятое, лечит все. Просто живи дальше. И не отставай от войска. Мы зачем здесь, в этой чертовой пустыне?

– Освободить Иерусалим, – ответил Тангейзер глухим голосом.

– Вот об этом и думай, – посоветовал Карл.

Промчались легкие всадники, прокричали, что уже скоро впереди большой оазис, там можно дать передохнуть коням, напоить, самим перевести дыхание.

Тангейзер видел, как все взбодрились, эта дикая жара и палящее солнце сводят с ума, уже все крестоносцы научились укрывать головы поверх шлемов бедуинскими платками, но все равно доспехи раскаляются так, будто их держат на огне.

Конь Тангейзера брезгливо ступал по иссохшей, как шкура перелинявшей змеи, истоптанной земле, сухой и звонкой, по бокам то и дело проползают ржавые ковриги древних гор, везде белеют, как мелкие бараны, круглые обкатанные камни, словно потоп носил их не сорок суток, а сорок тысячелетий, наконец впереди в самом деле показалась зелень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.